

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
НУКУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ АЖИНИЯЗА

На правах рукописи

UDK 581.192+634/

МАХАМБЕТОВА САГИДА ДАУЛЕТБАЕВНА

**«Лингвокультурологические аспекты русского, английского и
каракалпакского языков»**

5A5111301 – Родной язык и литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистра

Допускается к защите ГАК

Зав.отделением магистратуры: канд. филос.наук, доц. Ембергенов А.П.

Магистрант: Махамбетова С.Д.

Научный руководитель: к.п.н., доц. Ходжаниязова А.А.

Завкафедрой русского языка
и литературы: к.п.н., доц. Ходжаниязова А.А.

Нукус-2021

Глава I. Лингвокультурология как новое научное направление для описания взаимодействия языка и культуры.

1.1 Основные теоретические положения лингвокультурологии

1.2 Объект, предмет, цели и задачи лингвокультурологии. Методологический статус, принципы и методы сопоставительной лингвокультурологии.

1.3 Соотношения языка и культуры с позиции современных лингвокультурологических исследований

Глава II. Национально-культурная специфика как проявление лингвокультурных особенностей языковых единиц.

2.1 Лингвокультурологические аспекты вариативности английского языка

2.2 Русская лингвокультура сквозь призму национального сознания русского народа

2.3. Лингвокультурологические особенности зоонимов в каракалпакском языке

2.3.1 Лингвокультурологические особенности употребления зоонима «корова» в английском русском и каракалпакском языках

2.3.2 Лингвокультурологическая задача фраз, связанных с названием лошадей в каракалпакском языке

2.3.3 Лингвокультурологический анализ эвфемизмов, связанных со словом волк / волчонок в каракалпакском языке

Глава III Основы национально-ориентированного обучения английскому как и русскому языкам в иноязычных группах на территории Республики Каракалпакстан"

3.1 Изучение иностранного языка как средства межкультурной коммуникации

3.2 Реализация концептов русской лингвокультуры в учебных текстах по преподаванию русского языка как языка межнационального общения в иноязычных классах

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

НУКУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДИНСТИТУТ им. АЖИНИЯЗА

Отделение магистратуры

Магистрант 2 курса

Кафедра русского языка и литературы

Махамбетова С.Д.

Учебный год 2020-2021

Научн.рук. к.п.н.Ходжаниязов А.А.

Тема магистерской диссертации: **«Лингвокультурологические аспекты русского, английского и каракалпакского языков»**

АВТОРСКАЯ АННОТАЦИЯ

С момента обретения нашей страной независимости международные отношения Узбекистана со странами мирового сообщества перешли на качественно новый уровень. В период глобализации экономики, интеграции политической и культурной жизни, способствующих активизации и укреплению международных связей в различных сферах, большую роль играет знание иностранных языков, в частности, английского как языка международного общения.

Постановление Президента Ислама Каримова «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков»¹ от 10 декабря 2012 года служит важным фактором совершенствования этой работы.

Язык как феномен национальной культуры народа являлся постоянным объектом внимания и исследования специалистов. Идея Гумбольдта о том, что язык есть выражение национального духа, становится все более актуальной, особенно в наши дни, когда национальные проблемы столь остры и национальная проблематика явно вышла чуть ли не на самый первый план гуманитарного знания.

Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение.

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан о мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков. - Г.Ташкент: газета «Народное слово», 11.12.2012г. №240 (5630)

Сегодня мы живём в эпоху глобализации, под которой понимается

процесс, затрагивающий все земное пространство. Предполагается, что множество социальных, экономических, культурных, лингвистических, политических и иных отношений и связей приобретают всемирный характер. Следовательно, уже ни один народ не может жить в коммуникативной изоляции. Для этого стал необходим универсальный язык, язык межкультурного общения. В странах СНГ универсальным языком общения является русский язык, а в связи с усилением во второй половине XX в. влияние США в мире английский язык получает статус глобального языка, языка межкультурного общения.

Актуальность исследования определяется всё более возрастающим вниманием к проблеме языковой вариативности. Становится очевидным, что изучение вариантов современного английского, русского и каракалпакского языков – одна из важнейших задач современной лингвистики.

Базируясь или отталкиваясь от классических теорий взаимоотношения и взаимодействия языка и культуры (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф), современные лингвокультурологи (А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.Г.Костомаров, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.Н. Телия и др.) развивают, переосмысливают, уточняют представление о языке как элементе лингвокультурного комплекса и о роли в нём языка.

Целью диссертационного исследования является изучение вариативности языков на лингвокультурном уровне.

Поставленная цель определяет **задачи** исследования, основными из которых являются следующие:

- охарактеризовать взаимосвязь языка и культуры;
- проанализировать вариативность современного английского языка и дать общее определение стандартному английскому;
- показать уникальность американского английского, как языка межкультурного общения;
- выявить лингвокультурологические особенности лексических
- единиц американского варианта английского языка

Объектом исследования является вариативность языка и культуры.

Предмет исследования данной диссертационной работы составляет

определение характера воздействия культуры на вариативность трех языков.

Множественность используемых **методов** обусловлена многогранностью предмета исследования и многоаспектностью самого исследования. Метод наблюдения над языковым материалом даёт возможность проследить за тенденциями функционирования языковых единиц. В качестве одного из ведущих методов данного исследования остаётся компонентный анализ, поскольку он проливает свет на процессы формирования значения лексических единиц. Кроме этого в ходе работы был использован сравнительно-исторический метод.

Логика изложения результатов исследования, его цель и задачи определили **структуру** работы. Данная диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

Во **введении** определяется область исследования, обосновывается выбор темы, актуальность и новизна, цели и задачи работы, а также методы анализа материала.

В **первой главе** рассматриваются вопросы взаимодействия языка и культуры и необходимости их рассмотрения в рамках новой парадигмы знаний – лингвокультурологии.

Во **второй главе** рассматривается вопрос о вариативности единиц языков, межкультурной коммуникации в эпоху глобализации.

В **третьей главе** освещаются основные вопросы исследования – это функционирование и обучение культурной коннотации и информации в иноязычных классах Каракалпакстана.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проблемы "язык и культура" с одной стороны, имеет давнюю традицию, обусловленную изначально известным интересом языкознания к их взаимодействию и взаимосвязи, а с другой, несмотря на наличие целого ряда научных разысканий общего и частного характера [см. раздел "Список цитируемой литературы"], продолжает оставаться недостаточно разработанной как в общетеоретическом плане, так и в прикладных аспектах. Нельзя, например, считать, что такие методологические вопросы, как язык - "средство выражения культуры"[4], "компонент культуры" [42], "часть культуры" [52], "сторона культуры" [294] и др., получили свое окончательное разрешение, так как в систематической форме в отечественной филологической и философской литературе некоторые из них еще не исследовались. Отдельные теоретические вопросы, такие, как - "языковая личность и культура" [126], "лингвокультурологические связи" [135], "социокультурное образование" [248], - были выдвинуты совсем недавно, другие - например, "язык в культурологическом аспекте" [69], "личность в парадигмах языка и культуры" [70] ждут своей постановки и изучения.

Поэтому **актуальность проведенного** исследования связана с обострением интереса к феномену культуры и проблемам языковой личности, что, в свою очередь, объясняется многими обстоятельствами развития социокультурных процессов. Резко возросшие в наше время культурные, научные и экономические контакты стран и их народов с неизбежностью выдвигают темы "язык и культура" и "языковая личность" в число важнейших общезыковедческих и социолингвистических проблем. Теоретическое осмысление принципов, подходов, концептуальных схем, научных парадигм, позволяющих показать их реальное взаимодействие, приобретает, в этой связи, непреходящее значение.

Необходимость лингвистических исследований для взаимопонимания народов, диалога национальных культур стала уже общепризнанным фактом, так как в "социальной действительности" язык, по мнению Э. Сепира, - это путеводитель, приобретающий "все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры" [249, с. 261]. Язык обладает способностью

воздействовать на формирование и развитие народной культуры, которая, в свою очередь, персонализируется как личность. Из этого следует, что проблемы языка, культуры и личности следует ставить во главу угла, так как, практически, именно с культуры начинается духовное общение людей, понимание и сотрудничество народов, а общение культур актуализируется в общении личностей.

Актуальность диссертации определяется необходимостью дальнейшей теоретической разработки в новых условиях проблемы "язык и культура" и системного изучения лингвокультурологического аспекта описания функционирования русского языка как особого научного направления гуманитарных исследований.

Основная цель диссертации - разработка научных основ лингвокультурологического аспекта описания системы и функционирования современного русского, английского и каракалпакского языков.

Для достижения поставленной цели последовательно решаются следующие конкретные **задачи**, которые сопряжены с положениями, выносимыми на защиту:

- анализируются, обобщаются и систематизируются наиболее существенные концепции проблемы "язык и культура";

Говоря о гипотезе Э.Сепира - Б.Уорфа, возникшей в системе этнолингвистики и идеалистической философии, следует иметь в виду, что язык не является самодовлеющей "творящей силой", а представляет собой лишь отражение объективной действительности [43].

- дается в этой связи научное обоснование лингвокультурологии и ее основных задач на современном этапе развития общества и культурно-языковых контактов народов;

- разрабатываются принципы системного анализа лингвокультурологических объектов;

- обосновывается понятие лингвокультуремы как единицы, диалектически синтезирующей в себе элементы языка и культуры, и разрабатывается типология таких единиц;
- разрабатывается принципиальная структура лингвокультурологического поля как комплексной единицы, синтезирующей уровни языка и культуры, и вскрывается его специфика в сравнении с семантическим полем в языке;
- определяется понятие лингвокультурологической компетенции и этнолингвистических "картин мира" в их существенно общем и особенном;
- проводится системный анализ лингвокультурологического поля "русская национальная личность";
- определяются доминанты, принципиальная схема и дается описание основных классов этого поля в его развитии (на основных "срезах");
- устанавливаются основные закономерности парадигматической организации и синтагматического функционирования единиц основных классов поля (его центра);
- выявляются механизмы взаимодействия единиц основных классов лингвокультурологического поля "русская национальная личность" и единиц смежных полей;
- разрабатывается модель контрастивного анализа и дается системное описание соотносительных лингвокультурологических полей "национальная личность" на примере двух языков и культур (русский/русская - французский/французская) и выявляется их характерная национальная специфика;
- предлагаются основные рекомендации для прикладных аспектов лингвокультурологии.

Решение поставленных задач составляет основное содержание данной работы. Таким образом, она имеет одновременно теоретический и описательно-прикладной характер. Собственно, предлагаемая здесь концепция лингвокультурологии и возникла из непосредственного анализа языкового материала - лексической системы, поля как "кусочка миропонимания языка"

Научная новизна диссертации состоит в теоретической разработке концепции лингвокультурологии как научной дисциплины, методологической основы лингвокультурологического описания и интерпретации соответствующих механизмов функционирования трех языков – русского, английского и каракалпакского.

В диссертации впервые дается всестороннее теоретическое обоснование понятия "лингвокультурологии", аппарата анализа этой дисциплины (структуры поля как системы лингвокультурем, их строения и типологии, процедура исследования и синтезирование результатов и т.п.),

Степень изученности темы. Методологической и теоретической основой исследования послужили концепции русских, английских и каракалпакских лингвистов, касающиеся исследуемой темы. Теоретической базой послужили труды русских языковедов в области фразеологии В.В.Виноградова, Н.М.Шанского, Н.Д. Арутюнова, И.В.Арнольд, В.Г. Гак, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, Е.Б. Яковенко, Е.Ф. Арсентьева и др., труды лингвистов из Узбекистана Ш. Рахматуллаева, М.К. Халиковой, Искандеровой Е.

Также написание исследовательской работы была основана на Законе Республики Узбекистан «Об образовании», утвержденный 23 сентября 2020 года Президентом Республики Узбекистан, Постановлениях Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 года № ПП-4947 «О Стратегии дальнейшего развития Республики Узбекистан», от 20 апреля, 2017 г. № ПП-2909 «О мерах по дальнейшему развитию высшего образования», от 5 июня 2018 года № ПП-3775 «О дополнительных мерах по повышению качества образования в высших учебных заведениях и обеспечению их активного участия в проводимых комплексных реформах в стране», от 8 октября 2019 года № ПП-5847 «Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года», от 27 февраля 2020 года № ПП-4623 «О мерах по дальнейшему развитию педагогического образования», на постановлении Кабинета Министров Республики Узбекистан от 11 августа 2017 г. № 610 «О мерах по дальнейшему повышению качества обучения иностранным языкам в образовательных учреждениях».

Методы исследования. Выбор методов лингвистического анализа обусловлен спецификой исследуемого материала и целью диссертационной работы. Наряду с традиционными описательным и сравнительно-сопоставительным методами исследования, анализ культурного концепта «сердце» осуществлялся в работе по семантическим примитивам, а также с применением элементов логического, концептуального, когнитивного анализа в контексте проблем этнолингвистики и этнокогнитологии.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что полученные в ней результаты: 1) вносят вклад в разработку категориального аппарата теории языка и культуры; 2) могут представить интерес для разработки лингводидактических основ различных типов учебных пособий по теме "Язык, культура, цивилизация", учебных словарей и справочников этого профиля, практики монолингвального и контрастивного описания языков и культур в целях национально ориентированного преподавания русского языка как иностранного; 3) наконец, могут быть использованы в курсе "Язык и культура", в спецкурсе по лингвокультурологии, в работе методологических семинаров, непосредственно для практики обучения языку в национальной и иностранной аудитории.

Объектом исследования в диссертации являются системы лингвокультурум (поля), их внутренняя и внеязыковая семантика, парадигматические и синтагматические отношения, а также соотношения таких систем в разных языках и культурах.

Структура диссертации определяется поставленными выше конкретными задачами, а также логикой развития и развертывания основной темы исследования и анализа лингвокультурологического материала.

Диссертация состоит из введения, трёх глав и заключения.

ГЛАВА I. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НОВОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

1.2. Основные теоретические положения лингвокультурологии.

Вопрос соотношения и взаимосвязи языка и культуры всегда вызывала значительный интерес многих лингвистов, которые, невзирая на своеобразие подходов к данному вопросу, рассматривают культуру и язык во взаимодействии. Современная лингвистика стремится постичь культурное сознание отдельно взятой нации через языковые средства. Большинство ученых-лингвистов сходятся во мнении, что язык, будучи явлением социальным, может и должен рассматриваться не только с чисто лингвистической точки зрения, но, что самое главное, с внеязыковой, экстралингвистической или культурологической, т. к. он сам есть часть культуры, с одной стороны, и «зеркало», отражающее ее своеобразие и богатство с другой.

Сложность описания языкового механизма обуславливается неоднородностью и неоднозначностью самого языкового организма. Язык сочетает в себе конкретное и абстрактное, субъективное и объективное, личностное и коллективное, национальное и универсальное. Язык помогает понять особенность человека. «Язык раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке» (Арутюнова, 2000:8), а духовное начало, как известно, связано с культурой, обусловлено ею и неотъемлемо от нее.

Сложность понимания взаимосвязи языка и культуры продиктована сложностью выявления особенностей языковых фактов. «У языка же нет вторичной знаковой системы, которая бы раскрывала его смыслы. Он делает это сам, толкуя одни смыслы через другие, перефразируя их, но не выходя за свои пределы. Язык, в отличие от человека, лишен языка, который бы фиксировал, ограничивал и стабилизировал его смыслы. Тайна человека приоткрывается через язык, тайна языка безъязыка» (Арутюнова, 2000:8). На раскрытие этой тайны направлены

усилия многих лингвистов. Язык приоткрывает одну из дверей. Тайна языка кажется более достижимой, но, как горизонт, все время отодвигается, ускользая от пытливых умов многочисленных исследователей.

Появление лингвокультурологии как научной дисциплины, прежде всего, обусловлено стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире. Кроме того, обращение к лингвокультурологическим исследованиям продиктовано желанием ученых лучше понять язык в его функционировании во всех сферах человеческой деятельности и, в особенности, в его отношении к культуре.

По определению Р. Якобсона функционально «язык является средством умственной и духовной жизни и средством общения» (Якобсон, 1998:306). Функционирование языка для обслуживания умственной и духовной жизни связывает язык с культурой как специфическим небиологическим способом деятельности (Маркарян, 1977:138-139). Сложность проблемы, связанной с описанием взаимодействия языка и культуры, продиктована неоднозначностью культурно-языковых связей, различным временем их закрепления, различной степенью транспарентности, различным источником доминирования (язык → культура и/или наоборот), асимметрией корреляции с наличием симметрии в отдельных компонентах, различной глубиной проникновения в сопряженное пространство, знаковым характером обеих сущностей. Неоднозначность, вариабельность культурно-языковых связей настолько велика, что позволяет трактовать язык как элемент, часть, факт, фактор, форму, источник, хранитель, памятник, транслятор, условие существования культуры (Пассов, 1998:18). Безусловно, такой разносторонний и разноуровневый характер взаимодействия языка и культуры не способствует однозначности при определении точного характера их взаимодействия. Известно, что культура, предпосылкой и важнейшим средством бытия которой является язык, не может существовать без специальных средств материализации. Язык, в свою очередь, «раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке» (Арутюнова, 2000:8), которое связано с культурой, обусловлено ею и неотъемлемо от нее (Иванова 2004:16). Положение о диалектической связи языка и культуры является теоретической базой многих современных исследований, в том числе и

лингвокультурологических, призванных раскрыть характер и специфику лингвоментальных взаимоотношений. Притом, что исследования языка в плане его взаимодействия с культурой являются в последнее время чрезвычайно актуальными, особо стоит подчеркнуть становление и развитие научного характера тех фактов, которые ранее носили исключительно философский характер.

Основные положения взаимосвязи «язык – культура» изложены в исследованиях В. фон Гумбольдта, Л. Вайсбергера, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа. Эти исследования являются предпосылкой появления лингвокультурологии как отдельной науки и относятся скорее к области философии и этнолингвистики.

Философская проблема взаимосвязи человеческого мышления, языка и культуры впервые получает лингвистическое понимание в трудах В. фон Гумбольдта. Обозначая связь языка и культуры, ученый указывает на тесное переплетение языка с духовным развитием человечества. Язык сопутствует человечеству на каждой ступени его развития, отражая в себе каждую стадию культуры (Гумбольдт, 1984:48). Однако, первичная функция языка в понимании В. фон Гумбольдта, состоит не в общении или мышлении, а в том, что он является неким «промежуточным» звеном «между миром внешних явлений и внутренним миром человека» (Гумбольдт, 1984:304).

Вслед за В. фон Гумбольдтом, об определяющей роли языка в познании действительности пишут американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф. «Гипотеза лингвистической относительности» Сепира - Уорфа, а точнее ее «слабая» версия, является одной из теоретических предпосылок, лежащих в основе лингвокультурологии. Связь языка и культуры характеризуется в работах этих ученых отношениями взаимопроникновения, что характерно для современной лингвистической науки, однако эти отношения не являются ни однозначными, ни симметричными. Согласно теории Сепира - Уорфа, язык обуславливает тип мышления его носителей: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» (Сепир, 2001:261). Эту формулировку дополняет Б. Уорф, утверждая, что «человек расчленяет природу в направлении, подсказанном ему родным языком»

(Уорф, 1960:174). Провозглашая «власть языка», авторы «гипотезы лингвистической относительности» все же уточняют свою точку зрения, утверждая, что он (язык) является «обязательной предпосылкой развития культуры в целом», одновременно, «прорастая» в нее, будучи тесно связанным с ней (Сепир, 2001:223).

Термин лингвокультурология, возможно, впервые был использован одним из основатели области когнитивной лингвистики Рональд Лангакер в своем заявлении он сделал упор на взаимосвязь между культурными знаниями и грамматика. Он утверждал, что «появление когнитивной лингвистики может быть объявлено возвращением к лингвистике культуры. Когнитивные лингвистические теории признать культурные знания основой не только лексики, но и центральной аспекты грамматики » (Лангакер 1994: 31,). Лангакер далее утверждает, что «хотя значение определяется как концептуализация, познание на всех уровнях воплощено и укоренено в культуре»(2014: 33). Однако на практике роль культуры в формировании концептуального уровня языка и влияние культуры как системы концептуализации на всех уровнях языка не рассматривалась должным и явным образом до тех пор, пока публикация книги Гэри «К теории лингвистики культуры» (1996 г.) Б. Палмер, лингвистический антрополог из Университета Невады, Лас Вегас. В этой книге Палмер утверждал, что когнитивную лингвистику можно напрямую применяется к изучению языка и культуры.

Центральным в предложении Палмера была идея, что «язык — это игра словесных символов, основанных на образах »(1996: 3,), и что эти образы созданы культурно. Палмер утверждал, что культурно определенные образы управляют повествованием, образным языком, семантикой, грамматикой, дискурс и даже фонология. Представление Палмера об образах не ограничивается визуальными образами. По его словам, «[I] Магия - это то, что мы видим перед собой, но это также и вкус манго, ощущение прогулки под тропическим ливнем, музыка Миссисипи Масала » (1996: 3). Он добавляет, что «фонемы воспринимаются как словесные образы, сложенные в категории; слова приобретают значения, относящиеся к схемам изображений, сценам, и сценарии; предложения - это конструкции, основанные на изображениях; дискурс возникает

как процесс, управляемый рефлексивными образами самого себя; и мировоззрение включает это все» термин концептуализация, а не образность. Я подробно рассказываю о том, как я использую этот термин далее в этой статье.

Предложение Палмера призывало к выявлению трех традиционных подходов в антропологической лингвистике, чтобы иметь отношение к исследованиям, проводимым в области когнитивная лингвистика, а именно:

Когнитивную лингвистику можно разделить на три традиционных подхода, которые являются центральными в антропологическую лингвистику: Боасианскую лингвистику, этносемантику (этнологию) и этнография говорения. Получившийся синтез я назвал культурным лингвистика. (Палмер 1996: 5,)

Предложение Палмера схематически представлено на рисунке 1. Боасиан. лингвистика, названная в честь немецко-американского антрополога Франца Боаса, считал, что язык отражает ментальную жизнь и культуру людей. Боас заметил, что языки классифицируют опыт по-разному, и что эти лингвистические категории имеют тенденцию влиять на образ мышления говорящих (Blount 1995 [1974], 2011; Люси 1992).

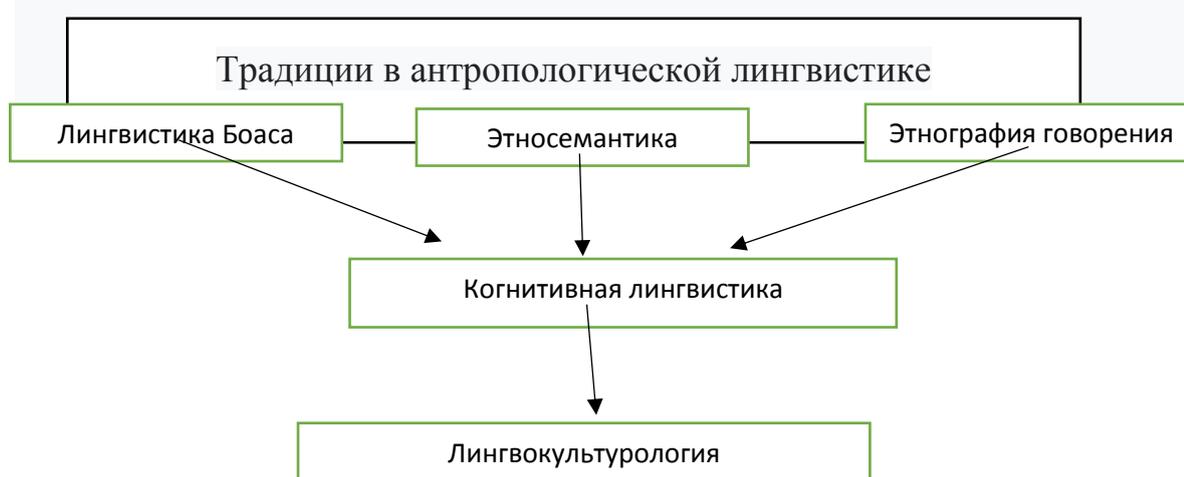

Рисунок 1. Схематическое изображение предложениям Палмера (1996) по культурной лингвистике.

Исследования А. Вежбицкой продолжают многолетние споры вокруг проблемы взаимоотношения языка и культуры. При этом А. Вежбицкая проявляет себя в

качестве сторонницы теории Сепира - Уорфа, т.к. каждый язык, по ее мнению, служит уникальным средством выражения человеческого опыта, представляя собой «лучшее доказательство реальности культуры» (Вежбицкая, 1999:289), а «языковые данные оказываются решающими при выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп людей» (Вежбицкая, 1997:291-292). Заявляя о своей приверженности идеям Э. Сепира, А. Вежбицкая присоединяется к словам ученого о том, что (1) «язык является символическим руководством к пониманию культуры», (2) «лексика — очень чувствительный показатель культуры народа» и что (3) языкознание «имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» (Вежбицкая, 1999:263). Одним из принципов, которые А. Вежбицкая формулирует при описании семантики лексики, является положение о том, что разработанность лексического пласта языка определяется, в том числе, и культурой.

В данном исследовании представляется наиболее точным определение характера лингвокультурных связей как отношения взаимопроникновения. Основанием этому могут служить общие онтологические черты языка и культуры, «их объективно-субъективная детерминация, связь с человеческой деятельностью и с историей развития общества» (Смирнова, 2001:34).

Принцип взаимозависимости и взаимовлияния двух систем проявляется в том, что язык неразрывно связан с культурой, культура детерминирует содержание языковых единиц, а они, в свою очередь, обуславливают поведение носителей той или иной культуры (Карасик 2001а).

В процессе анализа культурных явлений культурологи в качестве единицы для обозначения таксонов культуры предложили термин культурема (Моль, 1973; Сорокин, 1982). В лингвокультурологии используется лингвокультурема как единица лингвокультурологического уровня, объединяющая собственно языковое и внеязыковое содержание. Это «погружение» в факт культуры. Для лингвокультурологии существенно не только употребление слов (как для лингвистики), но и характер использования самих реалий (внеязыковой, культурный уровень). Лингвокультурема вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление, так тесно и неразрывно связанную с ним

«внеязыковую, культурную среду», - устойчивую сеть ассоциаций (Воробьев, 1997: 44-48).

Таким образом, в концепции взаимосвязи языка и культуры сходятся интересы многих наук о человеке. Транспонируя высказывание Ю.Н. Караулова о языковой личности на исследуемое явление, можно сказать, что «это та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» (Караулов: 1987:3).

Культурное познание включает в себя культурные знания, возникающие из взаимодействия между членами культурной группы во времени и пространстве. Помимо обычного смысла эмерджентности здесь культурное познание эмерджентно в техническом смысле этого слова (например, Goldstein 1999). В другом слов, культурное познание - это познание, возникающее в результате взаимодействия между частями системы (членами группы) более чем сумма его частей (больше, чем сумма когнитивных систем отдельных членов). Как и все возникающие системы, культурное познание динамично. в том, что он постоянно обсуждается и пересматривается внутри и между поколения соответствующей культурной группы, а также в ответ на контакты, которые члены этой группы имеют с другими языками и культурами.

Язык является центральным аспектом культурного познания, поскольку он служит для использования термин, используемый ва Тионго (1986) как «банк коллективной памяти» культурное познание группы. Многие аспекты языка сформированы культурным познанием, преобладавшим на более ранних этапах истории речевое сообщество. Историко-культурные обычаи оставляют след в нынешних лингвистическая практика, некоторые из которых находятся в окаменелых формах, которые больше не могут быть поддающимся анализу. В этом смысле язык можно рассматривать как хранящий и передающий культурные познания. Другими словами, язык действует как память банк и подвижное средство для (повторной) передачи культурного познания и его составные части или культурные концептуализации, термин, разработанный на далее в этой главе.

Многие ученые пришли к выводу, что понятие культура, чтобы быть слишком абстрактным, чтобы быть полезным в объяснении отношений, которые связать убеждения и поведение с использованием языка. Хотя у лингвистов в их распоряжении есть строгие аналитические инструменты, недоступные для них они представляют собой аналитическую основу для разделения культур и изучения их компоненты, так что особенности человеческих языков могут быть изучены в терминах взаимоотношений языка и культуры. Культурная лингвистика, и, в частности, теоретические основы культурного познания и культурного концептуализации, является попыткой предоставить такую аналитическую основу. Прежде всего, эта структура избегает абстрактности понятия культуры и вместо этого сосредотачивается на изучении концептуализаций, созданных культурой. Как было показано в этой главе, фреймворк основан на нескольких дисциплинах, таких как когнитивная наука и когнитивная лингвистика, за ее аналитические инструменты, такие как культурные схемы, культурные категории и культурные метафоры. Эти аналитические инструменты позволяют систематически исследовать культурные концептуализации и строго. Кроме того, они позволяют анализировать особенности человеческого языков по отношению к культурным концептуализациям, в которых они закрепились.

Что касается эссенциалистских и редукционистских тенденций, связанных с понятием культуры, теоретическая модель культурного познания и культурного концептуализации избегают этого, прежде всего, исследуя культурные концептуализации, а не исследуя говорящих, а затем приписывая культурам к людям или людям к культурам. Он также рассматривает культурные концептуализации как неоднородно распределенные среди членов группы, а не одинаково разделяют ораторы. И язык, и культура демонстрируют аналогичный образец распределения в речевых сообществах, и ни один из них однородно удерживается ораторами. Эти темы будут дальше в оставшейся части этой главы.

Теоретическую возможность продуктивно синтезировать знания о культуре, выражаемые посредством языка, видеть их глубинный смысл дает такая наука как лингвокультурология. Именно в лингвокультурологических исследованиях

культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где культура понимается как содержание, а язык - как форма существования данного содержания.

Как самостоятельное направление лингвистики, непосредственно связанное с культурой, лингвокультурология утвердилась в 90-е годы XX века. Ранее поставленный в лингвистике вопрос о соотношении языка и культуры, согласно прогнозу Эмиля Бенвениста, в лингвокультурологии получает вид триады «язык - культура - человеческая личность» (Бенвенист, 2002:45), с той разницей, что последний компонент этой триады в рамках лингвокультурологии трактуется как «языковая личность».

По своему характеру лингвокультурология является «пограничной наукой, стоящей на грани» лингвистики, этнографии, фольклористики, культурологии, социологии, «опирающейся во многом на их источники и достижения и пользующейся, как многие другие современные научные дисциплины, комплексными методами» (Толстой, 1997:315). В таком же ключе определяет данное направление в языкознании и В. В. Воробьев, в трактовке которого лингвокультурология выступает как комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, отражающая процесс взаимодействия языка и культуры как «целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» (Воробьев, 1997:36). Причем В. В. Воробьев конкретизирует свое определение, добавляя, что лингвокультурологическое исследование использует системные методы и ориентируется на «современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» (там же).

Объектом лингвокультурологии являются, по образному выражению В.В. Красных, «язык как отражение и фиксация культуры, и культура сквозь призму языка» (Красных, 2002:12). Однако, если культурология исследует самосознание человека в его отношении к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, наука о языке рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то в лингвокультурологии язык и культура, в их диалогическом взаимодействии, выходят на равнозначный уровень. Ориентируясь на проявления взаимодействия языка и культуры,

лингвокультурологии, как филологическая дисциплина, изучает «предварительно отобранное множество духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности» (Иванова, 2004:41).

Таким образом, предметом исследования в лингвокультурологии являются «единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым наполнением, являющиеся тем «каналом», по которому мы можем войти в культурно-исторический пласт ментально - лингвального комплекса» (Красных, 2002:12). Так, это могут быть единицы языка, которые приобрели символическое, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, паремиях и, в том числе, в поэтических и прозаических художественных текстах (Маслова, 2001:36). А. Вежбицкая предлагает для обозначения подобных явлений термин «ключевые слова» — «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры», воплощающие «ключевые для данного общества культурные концепты» (Вежбицкая, 1999:282; Вежбицкая, 2001:123).

Цель лингвокультурологии заключается в исследовании и описании культурного пространства «сквозь призму языка и дискурса» (Красных, 2002:13). С помощью и на основе языковых данных, лингвокультурология «призвана установить базовые оппозиции культуры, закрепленные в языке и проявляющиеся в дискурсе; отраженные в зеркале языка и в нем зафиксированные представления об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и т. д.; проступающие сквозь призму языка древнейшие представления, соотносимые с культурными архетипами» (Красных, 2002:13).

Лингвокультурология изучает человеческие языки и язык разновидностей, чтобы изучить особенности, основанные на культурных концептуализациях, таких как культурные схемы, культурные категории и культурные концептуальные метафоры, с точки зрения теоретической основы культурного познания.

Важной задачей лингвокультурологии становится не столько установление того, какие факты культуры выражаются с помощью языка, сколько определение способов, которые язык вырабатывает для выражения культуры. Иными словами, лингвокультурология призвана изучить способы «лексикализации» (Вежбицкая,

1999), с помощью которых «язык воплощает, хранит и транслирует культуру» (Маслова, 2001:30) и направлена на исследование того, каким образом многообразные формы бытия культуры различных этносов отражаются и закрепляются в языке. При таком подходе язык понимается одновременно и как продукт культуры, и как ее продуцент, как важнейшая ее составляющая, и как фактор формирования культурных кодов. Другими словами, язык выступает в качестве одного из фундаментальных оснований существования и функционирования культуры.

2.1 Методология сопоставительной лингвокультурологии

Мы исходим в своем исследовании из следующей дефиниции науки: это непрерывно развивающаяся система знаний об объективных законах природы, общества и мышления; это миропонимание, общественное сознание, сумма опыта человечества, организованная форма деятельности людей, результатом которой и является система знаний о законах объективного мира и путях его преобразования.

Прогресс в области научного познания стимулировал потребность в систематизации опыта научного познания, вследствие чего возникла новая наука – науковедение, наука о науке. Вести исследование, с точки зрения современного науковедения, значит:

- осуществлять научный поиск в направлении: *единичное – особенное – всеобщее*;
- размышлять, производить мысленный эксперимент;
- искать противоречия в существующих научных представлениях;
- возвращаться к уже решенным вопросам и задачам, предлагать их рассмотрение с новых методологических позиций, в новых ракурсах познания истины

Общая методология – это способы организации теоретической и практической деятельности, а также система принципов научного познания и учение об этой системе. Следовательно, это совокупность наиболее значимых

существенных элементов теории, которые являются конструктивными для развития науки. Бесспорно, если методология – концепция развития науки, то концепция – методология перехода от теории к практике. Таким образом, методология является теорией метода, в задачу которой входит обобщение и обоснование принципов и методов, которые применяются в определенной области познания.

В современном науковедении различают, как правило, три взаимосвязанных и взаимообусловленных иерархических уровня методологии:

- 1) философскую методологию;
- 2) общенаучную методологию;
- 3) частную (конкретно-научную) методологию.

Философская методология – совокупность общих правил познания человеком окружающего мира в его целостности, развитии и противоречивости.

Определяющее значение для философской методологии имеют законы, принципы и категории диалектики, сформулированные и развитые Гераклитом, Платоном, И.Кантом, И.Фихте, Ф.Шеллингом, Г.Гегелем. К ним относятся: закон единства и борьбы противоположностей; закон перехода количественных изменений в качественные; закон отрицания; категория общего, частного и отдельного; качества и количества; необходимости и случайности; возможности и действительности; формы и содержания; причины и следствия и др.; принцип всеобщей связи явлений; принципы противоречия; причинности и т.д.

Общенаучная методология представляет собой обобщение методов и принципов изучения явлений различными науками. Общенаучными способами исследования являются наблюдение, эксперимент, моделирование, которые носят различный характер в зависимости от специфики науки.

Основополагающим элементом общенаучной методологии является логика научного познания. Фактически диалектика, логика и теория познания представляют собой единое целое. Логика научного познания требует соблюдения законов логики в применении к правилам оперирования мыслями,

чтобы получить непротиворечивые результаты исследования. Логика научного познания включает в себя дедуктивные (от общего к частному, от теории к фактам) и индуктивные (от фактов к общему утверждению) способы научного познания мира. Взаимозависимыми общеметодологическими (логическими, философскими) способами исследования являются анализ (расчленение на элементы) и синтез (соединение элементов в единое целое) изучаемых явлений, процессов.

Частнонаучная методология – лингвистическая методология. Термин методология в современной лингвистической науке имеет широкую и узкую трактовку. Сторонники узкой интерпретации термина методология под методологией понимают совокупность методов решения лингвистических задач. Очень часто такое понимание лингвистической методологии мы находим в квалификационных работах молодых лингвистов, так, в частности, в качестве примера можно привести докторскую диссертацию А.Б.Тумановой, где на странице 8 в пункте методологическая база исследования речь идет о исследовательских методах и приемах.

На наш взгляд, исследовательские методы и приемы следует считать одним из компонентов понятия – «методология». Оба понятия, с точки зрения этимологии, восходят к греческому *methodos* – (букв.) «путь к чему-либо». Однако первое из них имеет еще и аффиксид – *logos* – «учение, наука, теория». Полагаем, что сама этимология достаточно точно указывает на объективные критерии разграничения данных понятий: «метод» – *путь, способ, инструмент* решения задач лингвистики, а «методология» – *учение* об основных путях и способах познания языковой действительности.

Любая лингвистическая методология базируется на конкретном представлении о языке. Именно это представление о языке определяет пути и способы познания языковой действительности.

В нашем случае в основе *методологии сопоставительной лингвокультурологической науки* лежит понимание тесного взаимодействия языка и культуры, языка как инструмента познания культуры, обязательного отражения в языке культуры конкретного этноса. В это представление о языке в рамках лингвокультурологии входит понимание

того, что культурный компонент может четко ощущаться не только в номинативных единицах, но и глубже в коммуникативных тактиках, в речевом поведении и шире – в мироощущении и миропонимании, поэтому контакты представителей разных культур могут быть результативны только при наличии знаний о лингвокультурных особенностях коммуниканта инофона (т.е. представителя другого языка).

В основе сопоставительной лингвокультурологии как самостоятельного научного направления лежит конкретная лингвокультурологическая концепция, согласно которой взаимопроникновение языка и культуры представляется настолько тесным, что по сути количество языковых единиц, не содержащих в той или иной степени культурный компонент, минимально.

Исходя из этого, *объектом лингвокультурологии* может быть огромное большинство языковых и коммуникативных единиц, начиная от уровня словообразования и кончая текстом – дискурсом, актами коммуникации, аксиологической картиной мира.

На уровне лексики культурный компонент может быть заключен в понятийном содержании тех или иных слов и тогда мы имеем так называемые слова-реалии. Это национально-культурные специфичные слова, характерные для определенной культуры. Например, в каз. яз.: бешбармак, шубат; в русс. яз.: щи, кисель; в англ. яз.: pudding – пудинг, whiskey – виски; в кит. яз.: mantou – пампушки (хлеб на пару), lucha – зеленый чай.

Или же культурный компонент представлен *мотивемой*, т.е. обозначаемый предмет или понятие может быть универсальным, но признак, который лег в основу наименования, может быть культурно-специфичным, например, среда обитания: *кунбагыс* – поворот «головы» по направлению к солнцу; *подсолнух* – расти под солнцем; по различным признакам: *балдай* – вкусовые качества (мед); *мороженое* – способ приготовления.

На уровне морфологии существует представление о том, что грамматика языка – это наиболее абстрактно-отвлеченный уровень языка, но и на этом уровне проявляется национально-культурная самобытность языка. Например,

наличествующие в тюркских языках (казахском), славянских языках (русском) и индоевропейской (английский) категории одушевленности/неодушевленности различаются тем, что в каракалпакском и английском языке категория одушевленности проявляется только по отношению к антропонимам, а в русском – по отношению к наименованиям всех живых существ.

Социальный фактор, объясняющий частотность использования тактики опоры на авторитет, заключается в особенностях менталитета большинства каракалпаков, для которых традиционно характерно почтительное отношение к старшим по возрасту, к уважаемым людям, деятелям искусства, науки и т.д.

Языковой фактор – это наличие нескольких вариантов реализации и полифункциональность тактики опоры на авторитет. Так, использование анализируемой тактики может служить усилению достоверности информации, усилению воздействия информации ссылкой на экспертизу, иллюстрацией результативности на собственном примере и т.д.»

Автор, анализируя материал, приходит к выводу о том, что популярность тактики опоры на авторитет в казахском тексте опирается на существующие традиции религиозных текстов.

Любая сфера научного знания, оформляясь как новое самостоятельное научное направление, характеризуется собственной частной методологией, которая включает в себя знания об особенностях объекта исследования, знания об общих подходах к изучению данного объекта (принципы исследования), а также методов и приемов исследования объекта, т.е. частная лингвистическая методология предстает в виде четырехчленной цепочки: *объект – принцип – метод – прием*.

Итак, *объектом сопоставительной лингвокультурологии* являются языковые единицы, коммуникативные единицы (речеповеденческие лингвокультуремы, коммуникативная дистанция, коммуникативные тактики и стратегии и т.д.), аксиологическая картина мира двух и более языков, исследуемые в сопоставительном аспекте.

В силу многообразия и многочисленности единиц – объекта сопоставительной лингвокультурологии возникает необходимость в определении параметра соизмеримости сопоставления, т.е. что с чем можно сопоставлять. Используемый в других отраслях сопоставительного языкознания (сопоставительная фонетика, сопоставительный синтаксис и т.д.) принцип соизмеримости как определяющий возможность сопоставления равноструктурных либо равнофункциональных (как в сопоставительно-функциональном языкознании) единиц для сопоставительной лингвокультурологии не вполне релевантен. Как можно понять из предыдущего изложения, в качестве объекта сопоставительного лингвокультурологического анализа выступают такие виды единиц, как:

1) Номинативные лексические единицы, организованные в определенные понятийно-тематические группы, типа: музыкальные инструменты, наименование домашних и диких животных, пища (блюда, ингредиенты, способ приготовления, способ подачи), одежда, домашняя утварь, спортивные состязания, обычаи; антропонимы, топонимы, термины родства и т.д.

2) Фразеологические номинативные единицы, национально-культурная специфика которых проявляется в их образно-фоновой основе. Это соматические фразеологизмы, анималистические фразеологизмы, фразеологизмы с компонентами цветообозначения, фразеологизмы с жестовой семантикой, устойчивые сравнительные обороты и т.д.

Данные две группы номинативных (лексических, фразеологических, сюда же включаем и словообразовательные) единиц являются языковыми единицами. Национально-культурный компонент может занимать периферийное положение в структуре содержания номинативных лексем, выступая в качестве коннотации.

Этнокультурному аспекту каракалпакской ономастики посвящены труды: К.М.Кощанова, Бегжанова Т., Абдимуратова К.

Вторая группа лингвокультурем – речеповеденческие – тесно связана с актом коммуникации, как с внутренними его параметрами, так и внешними. Под внутренними параметрами мы понимаем использование языковых единиц в рамках речевого акта. Известно, что в разных языках и культурах предпочтение

отдается определенным видам языковых единиц. Так, например, в каракалпакской культуре в функции обращения к незнакомому человеку традиционно предпочтительным является использование терминов родства, особенно в ситуации разновозрастных коммуникантов. К внутренним параметрам мы относим также использование речевых клише – высказываний в повседневном общении и в строго ритуализованных ситуациях. Есть ряд исследований по данной проблематике. Так, например, при встрече двух носителей русского языка традиционное приветствие обязательно содержит вопрос *Как дела?*, каракалпаки же обязательно осведомятся *Бала-шага қалай?* и это свидетельствует о различиях в иерархии ценностей.

К внешним параметрам акта коммуникации мы относим невербальные средства общения, коммуникативную дистанцию, национально-культурно маркированное соотношение вербальных и невербальных компонентов коммуникации, преимущественное использование тех или иных видов коммуникативных тактик. Так, например, носители каракалпакской культуры более, чем носители русского, английского языков, склонны к тактильному общению, когда путем объятий, похлопываний, поглаживаний, рукопожатий выражается уважительное, доброжелательное отношение, симпатия друг к другу.

Носители русской культуры более склонны к эксплицитному выражению своего отношения и своей оценки происходящего, тогда как носители казахской и корейской культур в ряде случаев выражают это имплицитно: намеком, взглядом, жестами.

Э.Д.Сулейменова отмечает: «Речевое поведение регулируется специфическими для каждого народа представлениями о том, как следует вести себя в стереотипных ситуациях и пр. и речевым этикетом, т.е. социально заданные и культурно-национально-специфические правила речевого поведения в ситуациях установки, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их социальными ролями в официальной и неофициальной обстановке общения .

Значительный интерес в данной группе лингвокультурем представляют речеповеденческие тактики. Е.М. Верещагин следующим образом характеризует

само понятие РП-тактики и ее значимость: «если сказать кратко и в самом общем виде, то РП-тактика – это (в границах определенной речеповеденческой ситуации) однородная по интенции и реализации установка, стоящая за вербальным поведением коммуниканта и входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта. РП-тактика сама по себе – невербальна (она представляет собой *sensus purus*), но она состоит из вербальных (т.е. речевых) актов, а также из актов поведенческих (нередко в переплетении)... РП-тактики могут быть в двух культурах тождественными, но гораздо чаще они имеют национально-культурные особенности» .

Третья группа – аксиологические лингвокультуремы – отражают аксиологическую картину конкретного этноса, ценностные ориентиры, стереотипы, архетипы, получающие отражение как в номинативных языковых единицах, так и в тексте, дискурсе. Сюда следует отнести исследования концептов, поскольку в структуре концепта исследователи выделяют понятийную, национально-культурную и аксиологическую составляющую.

Прогноз академика Д.С. Лихачева о том, что «двадцать первый век будет веком гуманитарных наук» нашел подтверждение в интенсивной разработке новых культурологических, антропоцентрических, аксиологических подходов в лингвистике, что стимулировало быстрое развитие междисциплинарных областей гуманитарных исследований, в основе которых лежит триединство «язык – человек – культура».

Как писал В. фон Гумбольдт, основоположник европейского направления антропологической лингвистики: «В каждом языке заложено самобытное созерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [151,с.80].

По мнению Э.Сепира, основателя американской школы этнолингвистики: «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык

же есть то, как думают... Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой».

Сопоставительная лингвокультурология находится на стадии развития, о чем свидетельствует единичность фундаментальных работ.

Объект лингвокультурологии – взаимодействие языка и культуры – является сложным объектом. Интегративный характер лингвокультурологии как науки предполагает выделение в качестве основы лингвокультурологического исследования ряд принципов, которые учитывают, с одной стороны, специфику самого объекта, его многогранность: лингвистический, культурологический, этнографический, культурно-антропологический характер объекта; с другой стороны, необходимость использования широкого спектра методов: лингвистических, культурологических, социологических, экспериментально-когнитивных, находящихся между собой в отношениях взаимодополнительности.

Прежде чем говорить о принципах сопоставительного лингвокультурологического исследования, остановимся на принципах сопоставительной лингвистики.

Синтагматические отношения – это взаимоотношения между компонентами развертывающейся речи. Как и в парадигматике, основное содержание синтагматических отношений составляет восполнение.

Функциональное сопоставление предполагает учет синтагматических отношений единицы, возникающих в процессе порождения текста и влияющих на семантическую ее структуру. Сравнить: *иметь дом* и *иметь возможность*. В первом случае глагол *иметь* выражает отношение обладания, которое обусловлено в определенной мере конкретным существительным *дом*. Во втором случае глагол *иметь* в сочетании с абстрактным существительным *возможность* выступает как строевой глагол. Или: *семьялы адам* «человек, имеющий семью», *сыйлы адам* «человек, которого уважают», «уважаемый человек», аффикс относительного прилагательного, присоединяясь к основе конкретного существительного (*семья*), выражает отношение пассивности, присоединяясь к основе абстрактного существительного (*сый* «уважение»), выражает значение объекта *сый*.

Оценивая *парадигматические отношения как относящиеся к языку, а синтагматические – как относящиеся к речи*, выдвигаемый принцип учета как парадигматических, так и синтагматических отношений следует рассматривать как признание необходимости сопоставительного исследования не вообще языковой единицы, а реального ее употребления, ибо реальное употребление языковой единицы есть не просто реализация потенций этой единицы, но и фактор, влияющий, изменяющий эти потенции. Иначе говоря, изучая как парадигматические так и синтагматические отношения языковой единицы, мы тем самым исследуем изменение грамматических форм и единиц в языке.

Учет парадигматических и синтагматических отношений языковой единицы позволяет определить ее значимость, место в ФСП, обосновать отнесение ее к ядерной или к периферийной части поля.

Указанный принцип тесно связан с двумя предыдущими: учет парадигматических отношений предполагает опору на семантику, без анализа синтагматических отношений невозможно функциональное сопоставление» [13, С.36-38].

«4) *Четвертым принципом построения сопоставительной функциональной грамматики является обязательное соответствие понятий и терминов Я₁ и Я₂.*

«Успешно сопоставлять и сравнивать можно лишь явления, измеренные при помощи одних и тех же мер, т.е. описанные при помощи одних и тех же единиц» [155,с.106].

«Дело в том, что одни и те же термины, используемые при исследовании языков, принадлежащих к разным языковым семьям, нередко наполняются разным содержанием. По крайней мере так обстоит дело в грамматических учениях, трактующих факты русского и казахского языков» [153, с.39].

«5) В ходе сопоставительного функционального исследования следует четко *разграничивать семантические и структурные функции языковых средств*, что обусловлено необходимостью в практике преподавания неродного языка предупреждать ошибки интерференционного характера.

Для овладения структурой того или иного языка одинаково важно и необходимо знание как грамматических категорий, опирающихся на определенные понятийные концепты и выполняющих семантические функции, так и формальных классов с полной и частичной семантической опустошенностью, передающих информацию о деталях языкового механизма.

Различие между семантически значимыми категориями и формальными классами находит отражение в характере и степени интерференции».

«б) К принципу разграничения семантических и структурных функций примыкает и *принцип эксплицитности сопоставительной функциональной грамматики*.

Суть этого принципа заключается в том, что в сопоставительных исследованиях при фиксации употребления той или иной формы в том или ином значении обязательно должны указываться условия реализации данной формы».

Таким образом, при сопоставительном изучении грамматических категорий и их форм важно не только сопоставление отдельных языковых уровней, но и учет их взаимопроницаемости и взаимообусловленности, их изоморфизм, так как изоморфизм постулирует отсутствие качественных различий между разными языковыми уровнями.

Для сопоставительного изучения языков чрезвычайно важным также является разграничение плана выражения и плана содержания. Как уже указывалось, языковые явления, которые имеют сходное или близкое формальное выражение в сопоставляемых языках, могут иметь различную системную интерпретацию, различные системные связи, различную дистрибуцию и функциональную нагрузку.

Как указывалось ранее, методология определяет и общие подходы к познанию объекта, и частнонаучные принципы, обусловленные спецификой объекта научного познания и целями, задачами исследовательской работы.

В аспекте общих подходов, отмеченных А.Е.Карлинским, в сопоставительной лингвокультурологии реализуются:

1) *Синхронически-диахронический* подход, когда лингвокультура исследуется не только с позиции их существования и функционирования в рамках одного временного периода, но и с учетом их исторических изменений.

2) *Интерлингвистический* подход, когда сопоставляются лингвокультура двух и более языков, двух и более групп языков.

3) *Комплексный* подход, когда за основу исследования берется комплекс всех факторов речеобразования, коммуникации, привлекаются данные ряда смежных наук (психолингвистики, социолингвистики, логики и др.). Данный подход разными исследователями именуется по-разному. Так, А.Е. Карлинский именует его макролингвистическим подходом, А.Д. Жакупова вслед за Е.С. Кубряковой именует его экспансионизмом. Мы же сочли возможным использовать нейтральное название – комплексный.

4) В сопоставительной лингвокультурологии осуществляется как *семасиологический*, так и *ономасиологический* подходы, что связано как с разнохарактерностью объектов лингвокультурологического исследования, так и с некоторой размытостью, трудно поддающейся эксплицированию речеповеденческих и аксиолингвокультурем.

5) В сопоставительных лингвокультурологических исследованиях реализуются как *логический* подход (наблюдение, синтез, сравнение), так и *экспериментальный* (тесты, анкеты).

6) Вслед за В.В. Воробьевым, мы считаем необходимым *системный* подход к анализу объекта исследования дополнить *семиотическим*, при этом существующую трехмерную *семиотическую модель исследования (синтактике – отношения между знаками, семантике – отношения между знаком и его значением, прагматике – отношения между знаком и человеком)* ввести *сигматику*, в которой анализируются отношения между знаком и объектом.

Под сигматическим значением понимается актуальный смысл языковой единицы. В.В. Воробьев подчеркивает, «выделение сигматики чрезвычайно актуально для исследования лингвокультурологической проблематики, так как она открывает выход в предметно-понятийный, внеязыковой мир» .

Собственно языковая семантика дает общее представление о некотором усредненном классе предметов. А внеязыковая семантика, т.е. сигматика – это сфера специального знания конкретных реалий, предметов, классов, разрядов и т.д. Именно сигматика вместе с собственно языковой семантикой и через язык раскрывает культуру народа. Лингвокультурологическая дефиниция направлена на раскрытие класса обозначаемых предметов во всей их национальной специфике.

Все вышесказанное, а также наши наблюдения и опыт лингвистического анализа позволяет сформулировать *собственно лингвокультурологический принцип*, – как необходимость анализа объекта культуры, выраженного в языке, как единства языковой и внеязыковой сущности, как результат выхода за пределы реалемы, как погружение в нее как факта культуры.

1.3 Соотношение языка и культуры с позиции межкультурной коммуникации

Отношения между языком и культурой сложный, во многом из-за большой трудности в понимании когнитивных процессов людей когда они общаются. Ниже, Уордхау и Каждый и Танасулов определяют язык в некоторой степени по-другому, причем первый объясняет, для чего это делает, и последний рассматривает это как относящееся к культуре.

Wardhaugh (2002, с. 2) определяет язык как: знание правил и принципов, а также способы говорить и делать что-то со звуками, слова и предложения, а не просто знания конкретных звуков, слов и предложений. Хотя Уордхау не упоминает культуру как таковую, речевые действия, которые мы выполняем, неизбежно связаны с средой, в которой они выполняются, и, следовательно, он, кажется, определяет язык с учетом контекста, нечто более прямое, чем составлено в следующем: (Танасулас (2001)

... (L) язык не существуют отдельно от культуры, то есть от социально унаследованного множества практики и верования, определяющие структуру нашей жизни (Сапир, 1970, с. 207). В каком-то смысле это «Ключ к культурному прошлому общества» (Зальцманн, 1998, стр. 41),

И если мы хотим обсудить отношения между языком и культурой, мы также должны иметь понимание того, к чему относится культура. Достаточно хорошо (1957, с. 167, Wardhaugh, 2002, с. 219) объясняет культуру с точки зрения участия обязанности его членов. Он заявляет, что культура общества состоит из, что у человека есть знание и вера, чтобы действовать приемлемым для его членов, и делать это в любой роли, которую они принимают за любого из себя. Малиновский (Stern, 2009) рассматривает культуру через несколько более интерактивный дизайн, утверждающий, что это ответ на потребность, и считает, что то, что составляет культура - это ее ответ на три группы потребностей: основные потребности человека, инструментальные потребности общества, а также символические и интеграционные потребности обоих личность и общество.

И для Гуденафа, и для Малиновского культура – это определяется доброжелательностью и ожиданием. Хотя каждый человек выполняет свои собственные индивидуальные роли и последующие потребности как часть культуры, различные потребности культура также должна быть сбалансирована. Вследствие этого, при составлении определения культуры мы можем увидеть что концепция часто лучше понимается в контекст того, как действуют представители культуры, как индивидуально, так и в группе. Поэтому ясно насколько важно для членов любого общества понимать реальную силу их слов и действий когда они взаимодействуют. Выше Зальцмана цитирует Танасулас, говоря, что язык - «ключ к культурному прошлому », но это также ключ к культурному настоящему в своей способности выражать то, что есть (и было) мыслью, верили и понимали его члены.

Эдвард Сапир во время учебы с Бенджамином Ли Уорф признал тесную связь между языком и культурой, заключив, что это не было можно понять или оценить без знание другого »(Wardhaugh,2002, стр. 220). Однако Wardhaugh (2002, стр. 219-220) сообщил, что, по всей видимости, имеется три претензии к отношения между языком и культурой: Структура языка определяет способ в каких носителях этого языка видят мир или, как более слабая точка зрения, структура не определяют мировоззрение, но все еще крайне имеет значение в

предрасположении к говорящим на каком-либо языке к принятию их мировоззрения.

«Нейтральное утверждение», в котором утверждается, что малое количество или отсутствие отношений между двумя

Первое из этих утверждений, хотя и в своем решающем фразировка оспаривается многими социолингвистами, обычно ассоциируется с Сепиром и Уорфом. Эта претензия - основа многих исследований взаимоотношений между языком и культурой и, следовательно, будет рассмотрено более подробно после признание двух других, начиная с краткое рассмотрение «нейтральной претензии».

Второе предложенное соотношение предполагает, что люди в культуре используют язык, который отражает их ценности конкретной культуры. Это противоположная точка зрения

Сепира и Уорфа в том, что это «мысли» культуры, которые отражены в языке, а не в язык, определяющий мысль. Эта претензия подразумевает, что в культурах используются языки, которые разные, как культуры, говорящие на них, и поэтому языковые функции различаются, например, уровень технологического развития культуры.

Однако Wardhaugh (2002, стр. 225-226) утверждает, что мы должны предположить, что все языки обладают ресурсы, позволяющие любому оратору говорить что угодно ... при условии, что говорящий желает использовать некоторую степень извращения. Когда нужны лексические элементы возникают, как объясняет Уордхау (2002, с. 225), мы можем предполагать, что культуры обладают способностями и свободны создавать или заимствовать их по мере, и чтобы культуры которые не сделали этого, еще не испытали нужно. Уордхау также отмечает, что люди, говорящие языки с разными структурами (например, немцы и Венгры) могут иметь схожие культурные особенности, и люди, принадлежащие к разным культурам, также могут обладают похожими структурами в языке (например, венгры и финны). Подобные примеры показывают, что вторая связь между языком и культурой вполне жизнеспособная.

Первое из трех предложенных соотношений из выше - основание для гипотезы Уорфа; в вера в то, что структура языка определяет как люди видят мир. Идея

того языка, чтоб в какой-то степени определяет то, как мы думаем о мир вокруг нас известен как лингвистический детерминизм, с "сильным" детерминизмом, утверждающим, что этот язык фактически определяет мышление, а «слабый» детерминизм подразумевает, что наша мысль просто находится под влиянием наш язык (Кэмпбелл, 1997). Сильный лингвистический детерминизм и идея, что разница в языке приводит к различию в мышлении или лингвистической относительности, были основными положениями Сепира Уорфа Гипотеза. Гипотеза утверждает, что мы видим и слышим и иным образом переживаем очень много, как делать, потому что языковые привычки нашего сообщества предрасполагают к определенному выбору интерпретации (Сапир 1929b, стр. 207, взято из Wardhaugh, 2002, стр. 220). Принимая во внимание различные исследования, он делает кажется, что структура языка определяет как, носители этого языка видят свой мир. А посмотрите, как пользователи разных языков видят цвет, языковой этикет и системы родства помогают проиллюстрировать этот момент.

Люси (1996, с. 46, Скотко, 2007) сообщил, что Hanunó, язык из Филиппин есть четыре термина, которые, кажется, относятся к тому, что мы бы назвали белый, черный, зеленый и красный, но которые при дальнейшем анализе оказывается примерно легкость, темнота, влажность и сухость. Такие наблюдения предполагают, что некоторые культуры интерпретируют цвета на основе их языка, например, с Hanunó, где похоже, что ораторы рассматривают красный цвет как больше ощущение, чем цвет.

С другой стороны, Wardhaugh (2002, стр. 234) сообщает другая теория, которая утверждает, что все люди подходят к цветовой спектр одинаково познавательно и именно развитие культуры создает требования к дифференциации. Тем не менее, Люси (1997, взято из Wardhaugh, 2002, стр. 234) утверждает коммуникативно релевантные кодировки визуальных опыт лежит в социально закрепленных языковых системах. Ското также отмечает (на основе отчета Люси о межкультурная вертушка изучения цвета Брауна, Леннеберг и др.), Что межкультурная вертушка цветной лингвистики показала, что грамматическая структура может влиять на мысли и интерпретации (Люси, 1996, с. 47, 2007)

В прошлом межкультурная коммуникация исследовалась в первую очередь.

с точки зрения лингвистической антропологии. Например, около тридцати лет назад Гумперц (например, 1982, 1991) ввел понятие контекстуализации подсказки как аналитический инструмент для изучения межкультурной коммуникации недопонимание. Он определил эти сигналы как «вербальные и невербальные. металингвистические знаки, которые служат для извлечения контекстных предпосылок с точки зрения того, какие компонентные сообщения интерпретируются» (Gumperz 1996: 379). Центральное место в этом понятии занимает важность косвенных выводов. говорящие делают во время межкультурного общения, поскольку они полагаются на лингвистические и неязыковые реплики.

С точки зрения лингвистики культуры, косвенные выводы во время межкультурного общения во многом способствует культурный концептуализации, разделяемые собеседниками. Культурные концептуализации обеспечивают основу для построения, интерпретации и обсуждения межкультурных смыслов. Эти концептуализации могут быть связаны со своим родным языком, или это могут быть другие лица, к которым у этих людей был доступ в результате проживания в особой культурной среде или даже в новой те, которые они разработали в результате взаимодействия с докладчиками из других культур.

В последние годы несколько исследований показали, что в определенных контекстах межкультурное общение и, в частности, недопонимание, отражают различия в способах, которыми различные группы ораторов концептуализируют свои опыты. При этом они опираются на свои собственные культурные схемы, категории, и метафоры. Вольф и Польценхаген (2009) отмечают, что «межкультурный вариативность на концептуальном уровне требует строго смысловой и интерпретативный подход к изучению межкультурной коммуникации» и что это то, что может предложить лингвистика культуры.

Как пример проведенных исследований межкультурной коммуникации с точки зрения лингвистики культуры, Шарифиан (2010) проанализировал примеры недопонимания между носителями английского языка аборигенов и английский язык, не являющийся аборигеном, который в основном возник из носителей языка, не являющегося аборигенами.

Актуальность всех вопросов, связанных с культурой, приобрела в настоящее время небывалую остроту. Повышенный интерес к изучению культур разных народов, выдвижение на передний план культурологии, еще недавно влачившей жалкое существование на задворках истории, философии, филологии; создание специализированных ученых советов для защиты кандидатских и докторских диссертаций по культурологии; поток публикаций на тему диалогов и особенно конфликтов культур; создание обществ, ассоциаций, объединяющих исследователей проблем культуры; бесконечные конференции, симпозиумы, конгрессы по вопросам культуры; включение культурологии и антропологии в учебный план подготовки специалистов по всем гуманитарным направлениям и даже в программы средней школы; наконец, уже упоминавшееся известное предсказание С. Хантингтона о третьей мировой войне как войне культур и цивилизаций - все это свидетельствует о настоящем буме, взрыве интереса к проблемам культуры.

К сожалению, за этим бумом кроются не только и не столько благородные и созидательные мотивы интереса к другим культурам, стремление обогатить свою культуру опытом и оригинальностью других, сколько иные причины, грустные и тревожные. В последние годы социальные, политические и экономические потрясения мирового масштаба привели к небывалой миграции народов, их) переселению, расселению, столкновению, смешению, что, разумеется, приводит к конфликту культур.

В то же время научно-технический прогресс и усилия разумной и миролюбивой части человечества открывают все новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации.

ГЛАВА II. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ.

2.1 Лингвокультурологические аспекты вариативности английского языка

Способность к постоянному изменению является одним из наиболее существенных свойств естественных знаковых систем, к которым относится человеческий язык. Вариативность языка в историческом плане является следствием языковой эволюции, контактов языков и диалектов, взаимодействия многочисленных и разнохарактерных внутрисистемных факторов.

В силу того, что язык принято рассматривать как совокупность разновидностей с учетом географической, социальной и иной стратификации, а общая неоднородность языковой системы является неоспоримой, вариативность представляет собой чрезвычайно важное языковое явление, требующее тщательного изучения.

В процессе данного изучения возникает множество вопросов: что такое вариант и варианты; необходимо ли всегда иметь инвариант; одинаково ли понятие варианта для различных уровней системы языка; когда наступает предел варьирования элементов языка, на котором возникает расхождение вариантов, что относится как к расхождению семантических вариантов многозначного слова, так и к вариантам грамматической формы, и к развитию вариантов

языковой системы в целом, и даже к появлению разных языков на основе некогда единого языка.

В этой связи представляется необходимым уточнить применяемые в лингвистике термины: «вариативность», «варьирование», «вариантность», «вариант». Эти термины, часто используемые в лингвистических работах, употребляются недифференцированно, обозначая при этом несколько различных понятий: во-первых, наличие в языке отдельных разновидностей – географических вариантов, диалектов, функциональных типов, жанрово-стилевых видов языка и т.д.; во-вторых, параллельное функционирование в языке в одной или нескольких его разновидностях – близких по содержанию или по оформлению единиц различных языковых уровней, начиная с недистинктивных различий в произношении и кончая лексическими и грамматическими синонимами и различиями в значении (или оттенках значения) формально сходных единиц (Расторгуева, 1976: 53). В целях большей точности целесообразно отнести термин «вариативность» к формальным вариантам одних и тех же лингвистических единиц. Следуя за общепринятыми дефинициями, варианты определяются как формально различающиеся модификации лингвистических единиц при тождественности основного лингвистического значения и как «образования, выполняющие в языкознании одну и ту же функцию, различающиеся между собой по их распределению в социальном и географическом пространстве» (Ахманова, 1960: 35).

Варьирование является основным источником исторических изменений, а также формой реализации изменений, а вариантность представляет собой источник и форму реализации тех формальных изменений, которые претерпевают лингвистические единицы, представленные данными рядами вариантов (Расторгуева, 1976: 53).

Термин «вариативность» конкурирует в языкознании с термином «вариантность». По мнению Худякова А.А. (Худяков, 2005: 166), предпочтение следует отдать термину «вариативность», так как термин «вариантность» акцентирует наличие в языке вариантов, последние же предполагают наличие инварианта. Однако большинство лингвистов склонно считать, что инвариант речевых вариантов можно выделить далеко не всегда. Инварианты, как правило,

легко выделяются, когда речь идет о единицах одностороннего уровня - фонологического. Классическим примером этого является установление инвентаря фонем какого-либо языка как инвариантов, к которым восходят варианты-аллофоны, служащие, в свою очередь, инвариантами для вариантов-фонем. Однако когда речь заходит о выделении инварианта на знаковом уровне языка, задача становится гораздо более трудновыполнимой.

Уже на уровне морфологии его применимость требует обоснования. Например, между формами *I know* и *I knows* различие не затрагивает значения. Но при переходе на уровень синтаксиса, положение резко меняется. Изменение синтаксической конструкции очень редко оставляет неизменным сигнификативный компонент значения. Например, при различии в порядке слов, денотативное и сигнификативное значения предложения могут совпадать, но варианты могут отличаться в коммуникативном плане и т.д. Что касается термина «вариативность», он не накладывает обязательств непременно искать инвариант, так как обусловлен изменчивостью как феноменом и представляется нейтральным в плане методологии ее исследования.

Путь к пониманию вариантов и варьирования лежит через накопление и обобщение теоретического материала. При этом важно учитывать, что человеку для полноты выражения приходится не только использовать варианты, предоставленные ему в структуре языка, но и их разнообразные комбинации, что приводит к качественно новым ступеням исторического развития языков. При этом представляется довольно трудным определить именно те параметры, которые позволяют отграничить элементы вариативности от конструкций, относящихся к качественно различным языковым образованиям.

Общие и частные проблемы языковой вариативности исследуются давно, что позволило накопить и обобщить огромный практический материал многих языков. Одной из основ науки вариантологии является теория тождества слова, становление которой относится к 1940-м гг. XX в., когда В.В. Виноградовым впервые было выдвинуто понятие формы слова, основанное на осознании тождества слова при наличии дифференциальных признаков его употребления (Виноградов, 1994: 168). В 1950-е гг. А.И. Смирницкий и О.С. Ахманова сформулировали основные понятия вариативности и провели систематическое

описание вариантов слов русского литературного языка (Гречко, 1966: 122). Позднее эта теория продолжала развиваться целым рядом исследователей, которые проанализировали следующие вопросы: виды вариантов слов, разграничение вариантов слов и смежных явлений (Горбачевич, 1979: 38); лексикографирование вариантных единиц; «словообразовательное» варьирование слова (Каспранский, 1976: 76); теория языковой нормы и вопросы практической нормализаторской деятельности (Глинкина, 2005: 187).

Теория вариативности слова была существенно дополнена разработками таких диалектологов, как В.Г. Арьянова, Л.И. Баранникова, В.Г. Гак, Э.Д. Головина, М.Я. Блох, А.И. Домашнев и др.

Большой вклад в изучение вариантности внесли российские ученые, такие, как А.Д. Швейцер, исследовавший вариативность системы британского и американского английского языков, Б. Карчу, рассматривающий систему современного английского языка в виде концентрических кругов - внутреннего, внешнего и расширяющегося, а интерес к социальной дифференциации языка, одной из центральных проблем современной социолингвистики, появился в трудах К.Н. Державина, Н.М. Жирмунского, Б.А. Каринского, Б.А. Ларина, Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева, Н.В. Сергиевского, Л.П. Якубинского и других советских ученых.

В своей статье «К проблеме социальной дифференциации языка» А.Д. Швейцер рассматривает языковое варьирование, раскрывая это понятие через взаимодействие разных слоев общества друг с другом. Он полагает, что связь социальной структуры с вариативностью структуры языка должна рассматриваться с учетом всех производных от классовых структур элементов - социальных слоев, профессиональных, культурных и иных групп, вплоть до первичных коллективов (малых групп).

Сложность процессов языкового варьирования и взаимодействия языков в эпоху глобализации делает целесообразным разграничение в дидактических целях языка как инструмента и хранителя культуры и языка как средства коммуникации. В первом качестве каждый существующий язык представляет собой абсолютную ценность и должен сохраняться и развиваться как часть культурного разнообразия мира

Проблема вариативности языковых единиц в настоящее время является одной из активно разрабатываемых проблем. К языку больше не относятся как к жесткой схеме, порождающей только правильные предложения, а к отклонениям от некоторой непроверяемой, дедуктивной правильности.

Актуальность такого исследования обусловлена всё большим увеличением внимания в науке к общей теории вариантности как универсального свойства языковой системы и, в частности, к такому перспективному аспекту, как структурно-типологический анализ вариантов, раскрывающий внутренний механизм устройства и развития языка при саморегуляции.

Исходя из всего вышеизложенного следует отметить, что вариативность языковых единиц обусловлена социально, что общество влияет на выбор языковой единицы в речевом поведении человека. Каждый территориальный вариант является не только пространственной проекцией языка, а также проекцией социальной, культурной и исторической.

Варьирование является основным источником исторических изменений, а также формой реализации изменений, а вариантность представляет собой источник и форму реализации тех формальных изменений, которые претерпевают лингвистические единицы, представленные данными рядами вариантов (Расторгуева, 1976: 53).

Термин «вариативность» конкурирует в языкознании с термином «вариантность». По мнению Худякова А.А. (Худяков, 2005: 166), предпочтение следует отдать термину «вариативность», так как термин «вариантность» акцентирует наличие в языке вариантов, последние же предполагают наличие инварианта. Однако большинство лингвистов склонно считать, что инвариант речевых вариантов можно выделить далеко не всегда. Инварианты, как правило, легко выделяются, когда речь идет о единицах одностороннего уровня - фонологического. Классическим примером этого является установление инвентаря фонем какого-либо языка как инвариантов, к которым восходят варианты-аллофоны, служащие, в свою очередь, инвариантами для вариантов-фонем. Однако когда речь заходит о выделении инварианта на знаковом уровне языка, задача становится гораздо более трудновыполнимой.

Уже на уровне морфологии его применимость требует обоснования. Например, между формами *I know* и *I knows* различие не затрагивает значения. Но при переходе на уровень синтаксиса, положение резко меняется. Изменение синтаксической конструкции очень редко оставляет неизменным сигнификативный компонент значения. Например, при различии в порядке слов, денотативное и сигнификативное значения предложения могут совпадать, но варианты могут отличаться в коммуникативном плане и т.д. Что касается термина «вариативность», он не накладывает обязательств непременно искать инвариант, так как обусловлен изменчивостью как феноменом и представляется нейтральным в плане методологии ее исследования.

Путь к пониманию вариантов и варьирования лежит через накопление и обобщение теоретического материала. При этом важно учитывать, что человеку для полноты выражения приходится не только использовать варианты, предоставленные ему в структуре языка, но и их разнообразные комбинации, что приводит к качественно новым ступеням исторического развития языков. При этом представляется довольно трудным определить именно те параметры, которые позволяют отграничить элементы вариативности от конструкций, относящихся к качественно различным языковым образованиям.

Общие и частные проблемы языковой вариативности исследуются давно, что позволило накопить и обобщить огромный практический материал многих языков. Одной из основ науки вариантологии является теория тождества слова, становление которой относится к 1940-м гг. XX в., когда В.В. Виноградовым впервые было выдвинуто понятие формы слова, основанное на осознании тождества слова при наличии дифференциальных признаков его употребления (Виноградов, 1994: 168). В 1950-е гг. А.И. Смирницкий и О.С. Ахманова сформулировали основные понятия вариативности и провели систематическое описание вариантов слов русского литературного языка (Гречко, 1966: 122). Позднее эта теория продолжала развиваться целым рядом исследователей, которые проанализировали следующие вопросы: виды вариантов слов, разграничение вариантов слов и смежных явлений (Горбачевич, 1979: 38); лексикографирование вариантных единиц; «словообразовательное» варьирование

слова (Каспранский, 1976: 76); теория языковой нормы и вопросы практической нормализаторской деятельности (Глинкина, 2005: 187).

Теория вариативности слова была существенно дополнена разработками таких диалектологов, как В.Г. Арьянова, Л.И. Баранникова, В.Г. Гак, Э.Д. Головина, М.Я. Блох, А.И. Домашнев и др.

Большой вклад в изучение вариантности внесли российские ученые, такие, как А.Д. Швейцер, исследовавший вариативность системы британского и американского английского языков, Б. Карчу, рассматривающий систему современного английского языка в виде концентрических кругов - внутреннего, внешнего и расширяющегося, а интерес к социальной дифференциации языка, одной из центральных проблем современной социолингвистики, появился в трудах К.Н. Державина, Н.М. Жирмунского, Б.А. Каринского, Б.А. Ларина, Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева, Н.В. Сергиевского, Л.П. Якубинского и других советских ученых.

В своей статье «К проблеме социальной дифференциации языка» А.Д. Швейцер рассматривает языковое варьирование, раскрывая это понятие через взаимодействие разных слоев общества друг с другом. Он полагает, что связь социальной структуры с вариативностью структуры языка должна рассматриваться с учетом всех производных от классовых структур элементов - социальных слоев, профессиональных, культурных и иных групп, вплоть до первичных коллективов (малых групп).

Сложность процессов языкового варьирования и взаимодействия языков в эпоху глобализации делает целесообразным разграничение в дидактических целях языка как инструмента и хранителя культуры и языка как средства коммуникации. В первом качестве каждый существующий язык представляет собой абсолютную ценность и должен сохраняться и развиваться как часть культурного разнообразия мира

Проблема вариативности языковых единиц в настоящее время является одной из активно разрабатываемых проблем. К языку больше не относятся как к жесткой схеме, порождающей только правильные предложения, а к отклонениям от некоторой непроверяемой, дедуктивной правильности.

Актуальность такого исследования обусловлена всё большим увеличением внимания в науке к общей теории вариантности как универсального свойства языковой системы и, в частности, к такому перспективному аспекту, как структурно-типологический анализ вариантов, раскрывающий внутренний механизм устройства и развития языка при саморегуляции.

Исходя из всего вышеизложенного следует отметить, что вариативность языковых единиц обусловлена социально, что общество влияет на выбор языковой единицы в речевом поведении человека. Каждый территориальный вариант является не только пространственной проекцией языка, а также проекцией социальной, культурной и исторической.

Лингвокультурология предложила новаторский подход к исследованию разновидностей английского языка, исходя из предпосылки, что разновидности английского языка могут отличаться друг от друга, когда их соответствующие культурные концептуализации принимаются во внимание (Sharifian 2005, 2006). Малькольм и Рошкуст (2000) выявил ряд отличительных культурных схем в дискурсе, произнесенный многими носителями австралийского аборигенного английского. Эти схемы включали: путешествия, охоту, наблюдение, страшные вещи, собирание, решение проблем, социальные отношения и столкновение. Было обнаружено, что первые четыре схемы встречаются чаще всего.

Другие исследователи (Пользенхаген и Вольф 2007; Вольф 2008; Вольф и Polzenhagen 2009) исследовали концептуализации африканского культурного модель сообщества африканских разновидностей английского языка. Вольф (2008: 368) утверждает что эта «культурная модель включает космологию и относится к таким понятиям как продолжение сообщества, члены сообщества, колдовство, обретение богатства и коррупция, которые находят выражение в африканском английском ». Например, изучив ряд выражений в камерунском английском, например, они брали взятки от своих менее удачливых брат, Вольф замечает, что центральные концептуальные метафоры в этом разнообразии английского языка - это родство - это сообщество, а сообщество - это родство (Wolf 2008: 370).

Шарифиан (2005, 2008a) исследовал культурные концептуализации на английском языке говорит группа студентов-аборигенов, которые, поскольку как

носители австралийского английского языка, их учителя не считали англоговорящие аборигены. Однако, изучив словесные ассоциации, он обнаружил, что английские слова, такие как семья, дом и стыд, вызывают культурные концептуализации у этих студентов, которые были преимущественно ассоциируется с английским аборигеном, а не с австралийским английским языком. Например, для студентов из числа аборигенов слово «семья» ассоциировалось с категориями аборигенного английского языка, которые выходят далеко за рамки «ядерного» семья, которая является центральным понятием в англо-австралийской культуре. Рассмотреть возможность Таблица 1, показывающая данные из Sharifian (2005).

Ответы, данные участниками из числа аборигенов, представляют собой экземпляр аборигенного культурная схема Семьи, поскольку они относятся к членам своего расширенного семья, например тети и дяди. Ответы англо-австралийского участники предполагают, что слово «семейство» в большинстве случаев ограничивается нуклеарная семья, а иногда также включаются домашние животные. Такие ответы, как они, готовы помочь вам, когда вам нужно, чтобы они позаботились о вас участники из числа аборигенов отражают обязанности по уходу, которые очень живые отношения между членами большой семьи аборигенов.

Таблица 1. Сравнение аборигенного и англо-австралийского значений слова "семья"

Абориген. англ.	Англо-австралийский англ.
Стимулирующее слово: семья	
<p>-Любовь к деду, любовь к бабуле, любовь к папе, к папам</p> <p>- Братья, сестры, тётя, дяди, няня, папа, отец, племянник и племянницы.</p> <p>- Они будут рядом, когда вам нужно</p>	<p>- У вас есть братья и сестры в вашем семья и твои мама и папа, и ты весело проводишь время с семьей, обедаешь со своей семьей, ты гуляешь со своей семьей.</p> <p>- Папа, мама, брат, собака.</p>

<p>Они заботятся о тебе, ты зовешь тетеньку и дядя двоюродного брата.</p> <p>- Люди, мамы, папы, брат, группа семьи, как тети и дяди</p> <p>- У меня в семье много людей, есть большая семья, много семьи.</p> <p>- Моя семья, вы знаете сколько семей</p> <p>Я получил? Тысяча миллионов, сто девяносто девять миллионов тысяч тысяч девять девять шестьдесят один. . . миллион миллионов, дядя, Джо, Стейси. . . кузены, дяди, сестры, братья, подруги и мой миллион шестьдесят одна тысяча семьи.</p> <p>- Мне нравится моя семья, вся моя семья, моя тетушки, дяди и двоюродные братья, а я как Дряндра.</p>	<p>- Заботливые мама, и папа, и брат, и сестра.</p> <p>- Отцы, сестры, родители,</p> <p>- Люди, ваши мама и папа, и ваш сестра и брат.</p> <p>- Вся моя семья, мои братья и сестры, моя мама и мой папа.</p> <p>- Дети, мамы, папы, сестры, братья.</p> <p>- Мать, сестра, брат, жизнь.</p> <p>- Мама, папа, мой брат.</p> <p>- Я думаю обо всех людях в моей семье.</p> <p>[F: Кто они? Я: Моя мама, мой папа, и моя сестра]</p> <p>- У них есть дом, у них есть машина, у них есть своя кухня, своя комната, их туалет, их задний двор, их навес для машины, у них есть собака и кошка.</p> <p>дом</p>
--	--

Этот новаторский подход к тому, позволяет читателям познакомиться с культурными концептуализациями лежащими в основе определенных выражений на данном языке или языковом разнообразии. Но, конечно, во многих случаях лежащие в основе концептуализации сами имеют свои корни в более старых культурных традициях, в том числе религиозные и духовные.

В самом деле, во всех развитых естественных языках есть единицы, передающие состояние человека, его поведение в критических ситуациях, когда он испытывает боль или находится в полосе больших неприятностей, но только в АА эта идея передаётся посредством ФЕ. Например: **bite on the bullet** – стиснуть зубы, крепиться, терпеть боль, горе; принять неприятности и попытаться жить с ними и т.д. Происхождение данной ФЕ связано с проведением болезненных

операций на раненных в полевых условиях во время военных действий, которым из-за отсутствия анестезии приходилось кусать пулю. Сейчас это выражение стало стандартным и широко употребляется в языке. Например: *Keep up the fight, Pardner. Don't let them make you bite the dust, just **bite the bullets*** (Revell: 195).

Ср.: Воюй, Парднер. Не дай им сломать тебя, просто крепись.

After asking Congress to “**bite the bullet**” and pass his proposed 10 per cent income tax surcharge, the President himself **bit the bullet by** agreeing to a much larger accompanying spending reduction that he believed was in the national interest (New York Times).

Ср.: После того, как Президент попросил Конгресс стиснуть зубы и принять его предложение о 10-процентом налоге на добавочную стоимость, ему самому пришлось пойти на уступки, согласившись на гораздо большее сокращение расходов, что, как он считает, делается в интересах нации.

С другой стороны, национально-культурная специфика выражения понятия безусловно присутствует и в словосочетании **when the eagle flies** – когда выплачиваются деньги, заработная плата – **eagle day** – связано с изображением орла на части американских денег. Специфика проявляется именно в способе передачи этого понятия, а не в его уникальности, так как деньги платят не только в США. Например:

The **Eagle flies** on Friday, and Saturday I go out to play. Don't forget the **eagle flies** today (RH HDSA, 689).

Ср.: Деньги платят в пятницу, а в субботу я уеду поиграть. Не забудь, что зарплата сегодня.

Большой лингвокультурный заряд имеет фраза-заклинание **I'm from Missouri** в значении *I'm skeptical by nature*. Недаром штат Миссури имеет официальное прозвище *Show Me State* – штат недоверчивых, основанное на вошедшей в поговорку недоверчивости его жителей. Сейчас эта фраза-клише в словарях сленга имеет помету *colloq.* (RH HDAS). Первоначально в обиход вошла в 1899г. Благодаря конгрессмену из Миссури Виларду Вандиверу.

2.1.1 Лексические особенности американского варианта английского языка как отражение культуры и истории народа

Чтобы понять лексические особенности американского варианта английского языка необходимо обратиться к истории США. Изначально американский и британский английский ничем не отличались друг от друга, поскольку первые английские колонисты завезли с собой в Америку тот английский язык, на котором говорили в Англии. Переселенцы все еще относились к Британии как к своей родине, и их язык был последним, что связывало их с землей, которую они покинули. Политические раздоры привели к тому, что связи между двумя странами прервались, и английский язык в Америке стал развиваться по своим законам. Пропасть между американским и британским английским стала расширяться.

Английский язык 17 века был исключительно разноликим, варьируя в зависимости от местности и от социального слоя, к которому принадлежал говорящий, в гораздо большей степени, чем теперь. Даже нормативный письменный английский язык - как на то указывают орфография, грамматика и стиль Шекспира и Мильтона - ни в коей мере не был единообразным. В дальнейшем разнообразие вносилось также более поздними иммигрантами из Англии в США, поскольку английский язык их родной страны претерпевал многочисленные изменения на протяжении 18,19 и 20 веков. Из этих разнообразных вариантов английского языка развился американский английский, в ряде отношений отличающийся от британского варианта.

В словаре американского английского есть слова и выражения, которые не используются в Великобритании. Они называются **полными американизмами**. Многие полные американизмы - это названия растений и животных, неизвестных в Англии: *egg-plant* - баклажан, *moose* - американский лось, *cat bird* - дрозд американский.

К другой группе полных американизмов относятся слова, заимствованные из индейских диалектов: *canoe*, *moccasin*, *squaw*, и т.д.

Эти две группы принадлежат к ранним американизмам. Кроме них существуют еще поздние американизмы, отражающие американские понятия и феномены: *drive-in* - кинотеатр или магазин, где можно посмотреть фильм или сделать покупки, не выходя из машины; *drugstore* - аптека, где продаются не только лекарства, но также игрушки и другие товары.

Полные американизмы не имеют эквивалентов в британском английском. Но есть и такие, которые их имеют, так как они называют одни и те же объекты, феномены и действия:

<i>British English</i>	<i>American English</i>
<i>Chap</i>	<i>Guy</i>
<i>Lift</i>	<i>Elevator</i>
<i>Secondary school</i>	<i>High School</i>

Очень часто слова обоих вариантов различаются в написании, произношении: British

British English	American English
<i>neighbour</i> <i>tomato</i> [tə'mɑ: təʊ]	<i>neighbor</i> <i>tomato</i> [tə'meɪtəʊ]

Иногда слова в обоих вариантах совпадают в главном значении, но различны во второстепенном: *butcher* - мясник в обоих вариантах, но в США оно так же означает *разносчик товара в поезде*.

Одно и то же слово может использоваться в обоих вариантах, но в различном значении: *faculty* - 1) профессорско-преподавательский состав (американский английский); 2) факультет (британский английский).

В американизмы также входят слова, которые стали в Британии архаизмами: *fall* - осень, *sick* - больной и т.д.

Есть еще одна распространенная сфера английской лексики, которая в последнее время активно проникает в литературу и кино и требует поэтому специальных пояснений. Речь идет об американском сленге. Сленг занимает достаточно большую часть словаря современного американца. В XX веке идет активный

процесс перехода сленговой лексики в литературный английский. В недавнем прошлом сленговыми являлись такие ныне распространенные слова и выражения, как *of course, to take part, to get up, lunch*.

2.2 Русская лингвокультурология сквозь призму национального сознания русского народа

В условиях глобализации нашего мира ни у кого не вызывает сомнения факт, что для успешного ведения дел на мировом рынке необходимо не только знание языков, но и культурных особенностей людей той или иной страны.

В конце XX века началось активное развитие науки, которая изучает язык как феномен культуры - лингвокультурологии. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка. В рамках этой науки язык выступает не только как орудие культуры, но и как выразитель особой ментальности.

Язык и культура находятся в диалоге, во взаимодействии. Язык способен отражать культурно-национальную ментальность его носителей. Гумбольдт В. и Потенция А. утверждали, что язык - это духовная сила.

Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значения языковых знаков. Согласно гипотезе Э. Сепира и Б. Уорфа, структура языка и системная семантика его единиц коррелирует со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа.

Каким образом система культурных ценностей отражается в языке?

У каждой культуры есть свои ключевые слова: для немцев - это точность, порядок, для американцев - индивидуализм, приватность, для японцев - коллектив, командная работа, и так далее. Примечательно, что в России такими словами являются душа, тоска, коллективизм. Чтобы быть ключевым словом культуры, слово должно быть общеупотребительным, частотным, должно быть в составе фразеологических единиц и пословиц.

В разных культурах разные представления о мире отражены в языке. Приведем несколько примеров.

В западной культуре существует понятие «человек - хозяин вселенной», поэтому в языке существует большое количество слов, начинающихся с приставки self - (сам) - самоопределение, самообразование, даже self-made man (человек, сделавший себя сам), что означает, что человек добился в жизни многих успехов вследствие саморазвития. В восточных культурах, где понятия «человек - властелин природы» не существует, преобладает более гармоничное сосуществование человека с внешним миром. В языках таких культур вы не встретите слова «я», написанного с заглавной буквы.

Ярким примером того, как язык соотносится со структурой мышления и способом познания внешнего мира у разных народов, является понятие времени. «Время - деньги» - типичное словосочетание для англоязычных культур, тогда как южная Европа не оценит этого понятия. В слово «пунктуальность» также вкладывается разный смысл. Для немца это означает быть на встрече точно в назначенное время, для японца - за десять минут до встречи, для итальянца - задержаться минут на двадцать.

В случае, если вам необходима перевозка мебели следует обратиться к профессионалам. Это позволит сэкономить время и деньги.

Языковые явления определяются социокультурными явлениями в обществе. Индивидуализм и коллективизм, материализм и одуховленность, так называемые линейное и системное восприятия мира, отношение к окружающей среде и времени (о чем говорилось выше), пространству, способы общения - все эти и другие отличия отражаются в языковых явлениях.

редневековая традиция русской культуры характеризуется двойной моделью религиозной и светской письменности. Каждая модель имела соответствующий статус, степень авторитетности конкретное назначение. Церковная литература рассматривалась как безусловно истинная. В пределах данной культуры писатель был не создателем, а носителем высшей истины. В этой связи возрастало

значение нравственного аспекта. Характерной для религиозной традиции была функция пророческая.

В литературе XVII в. происходит трансформация традиций религиозной письменности. Наблюдается тенденция преодоления мистического ореола создания слова человеческого, которое может быть подвергнуто проверке и критике. Подобная тенденция характерна в общем для западноевропейских культур. Иная картина вырисовывается для русской культуры, точнее русской лингвокультуры, поскольку несоответствия области культуры русской по сравнению с западноевропейскими культурами относятся именно к области языковой культуры. По этому поводу Ю.М. Лотман подчеркивает «принципиально различное отношение в обществе к труду художника, архитектора, актера и т.д., с одной стороны, и к творчеству поэта - с другой». В пределах западноевропейской культуры XVII в. поэт и другие деятели искусств находились в одном ряду, имели одинаковый статус. А в русской культурной традиции XVII в. музыкант, архитектор, живописец считались людьми «низких» занятий, поскольку это были профессии для вольноотпущенников, крепостных и иностранцев. Данные профессии были ближе к ремеслу наряду с поваром и парикмахером). Поэт же в России - человек благородного занятия, поэтому поэзия в социальном отношении закрепила за собой благородным сословием. В XIX в. поэзия - «язык богов» - становится монополией дворянства, превращается в язык Бога. В русской лингвокультуре поэты - пророки, прорицатели. Поэт - носитель высшей истины, поскольку слово его даровано свыше. Его слово наделено особой авторитетностью, оно уже есть Слово.

В этих условиях «Дихотомия «поэзия-проза» как бы замещает средневековое «церковнославянский язык - русский язык»». При этом происходит процесс отделения поэзии от государства, и со временем она превращается в самостоятельную, а затем и в противостоящую силу. Поэзия приобретает статус духовного авторитета. Нивелирование русской церкви в петровский период способствует развитию и росту культурной ценности поэзии. Вместе с тем поэзия берет на себя функции распространения религиозных представлений. В целом

национальная модель не изменяется. Изменения компенсируются перераспределением функций.

Исторический подход явно подчеркивает особое развитие классического периода в истории русской литературы. Это - эпоха, отличающаяся от предыдущего и от последующего периодов в развитии русской классической литературы. В данный период отмечаются динамические и противоречивые тенденции. Эта эпоха охватывает огромный исторический период между Пушкиным и Чеховым. Она рассматривается и воспринимается как единое целостное явление органического единства. В этот период русская литература становится мировой литературой. Ю.М. Лотман в развитии русской литературы классического периода отмечает два существенных момента, два типа самосознания культуры: «...осознания себя как процесса эволюционного и осознания себя как процесса взрывного. Это оказывает обратное влияние на развитие и придает ему исключительно усложненный характер». Как полагает Лотман, русскую литературу и культуру в целом характеризует самосознание в терминах «взрыва и резких перемен катастрофического характера». Русская культура классического периода, рассматриваемая как органическое единство, вместе с тем внутри себя разграничивается на основе различных структурных модусов с бинарной и тернарной системами.

Бинарная структура предполагает деление на положительное и отрицательное, добро и зло, греховное и святое. Бинарная система представлена творчеством Лермонтова, Гоголя, Достоевского. Размышляя над творчеством Ф.М. Достоевского, Д.С. Лихачев сравнивает мировидение Достоевского с готической вертикалью: «Верх и низ жизни, бог и дьявол, добро и зло, постоянные устремления его героев снизу вверх, социальный разрез общества с его низами и «высшим светом», бездны и небо в душе героев - все это располагается по вертикали и может напоминать готическое построение того мира, который изображал Достоевский».

Тернарная модель включает в себя бинарную структуру с дополнением экзистенциального мотива: мир добра, мир зла и мир, характеризующийся признаком существования и не имеющий однозначной моральной оценки.

Между добром и злом находится пространство существования, мир жизни. Эта модель начинается от А.С. Пушкина, находит свое продолжение в творчестве Л.Н. Толстого и завершается творчеством А.П. Чехова. «Тернарная модель, - отмечает Ю.М. Лотман, - создает в русской литературе возможность - оправдания жизнью и вносит, рядом с религиозно-этической оценкой нравственности, ее эстетическую и философскую оценку, представление о том, что бытие нравственно по своей природе, а зло есть отклонение от природы бытия. Отсюда - характерная для русской литературы XIX в. мысль об искажении благородной сущности человека и представление о социальном как о вторжении созданного человеком зла в благородную сущность человеческой личности». Модель эта имеет глубоко национальную сущность.

Механизм действия тернарной модели таков: в отличие от бинарной, она движется не от модели к реальности, а наоборот, от реальности к модели. При сравнении прозы Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого выявляется различное действие моделей - бинарной и тернарной: «У Достоевского идеологический замысел иллюстрируется реальностью, у Толстого - реальность вступает в конфликты с идеологической схемой и всегда представляет нечто более богатое». Бинарная модель может рассматриваться как идеальная модель, которая так или иначе вступает в конфликт с эмпирической реальностью. В тернарной модели присутствует диалектический механизм. Пушкинский этап (начало тернарной модели) представляется эклектичным. Однако подобная эклектичность - не результат соединения случайно собранных противоречий, а разнообразие бесконечных потенций развития. Чеховский период полагается исчерпывающим, имеющим итоговый характер, и путь от него был отмечен не продолжением и преемственностью, а взрывом и преодолением.

Ю.М. Лотман отмечает, что предложенная им схема есть лишь одна из возможных моделей развития литературы XIX в. Так, с одной точки зрения

литературный процесс является жестко организованным, с другой - это движение, определяемое случайными обстоятельствами. С точки зрения читателя, литература - бесконечный ряд завершенных произведений. С точки зрения самого писателя, его собственное произведение - это незаконченный текст, который он будет создавать до конца своих дней. Ю.М. Лотман, размышляя над русской литературой классического периода делает вывод о том, что она не представляется легко описываемой и моделируемой структурой, «подобно тому, как нельзя одну реку перейти дважды, нельзя один раз и навсегда изучить историю литературы: река меняется». Теоретический аспект лингвокультурологических вариантов в поэзии отражен в лингвопоэтическом направлении теории словесности в работах Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, продолживших традиции А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, а в структурно-семиотическом направлении представлен работами Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и др.

В книге «Мысль и язык» А.А. Потебня связывает поэтичность языка с понятием символизма: «Символизм языка, по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова. Если это сравнение верно, то вопрос об изменении внутренней формы слова окажется тождественным с вопросом об отношении языка к поэзии и прозе, т.е. к литературной форме вообще».

А.А. Потебня охарактеризовал поэтическое произведение следующим образом: «Элементам слова с живым представлением соответствуют элементы поэтического произведения, ибо такое слово и само по себе есть уже поэтическое произведение». По словам ученого, «поэзия есть преобразование мысли посредством конкретного образа, выраженного в слове, иначе: она есть создание сравнительно обширного значения при помощи единичного сложного (в отличие от слова) ограниченного словесного образа (знака)».

Это неполное определение. Как первичное создание поэтического образа, так и пользование им (вторичное создание) сопряжено с известным волнением, иногда столь сильным, что оно становится заметным постороннему наблюдателю: «Лицо

его (импровизатора) страшно побледнело; он трепетал, как в лихорадке; глаза его засверкали чудным огнем; он... отер платком высокое чело, покрытое каплями пота» (А.С. Пушкин)». А.А. Потебня считает поэзию, как и науку, лишь способом мышления, употребляемым взрослыми и детьми, цивилизованными и дикими, нравственными и безнравственными. Определение поэзии, по мысли ученого, «не должно заключать в себе никаких указок на содержание и достоинство образа».

А.Н. Веселовский предлагает сравнительный подход к вопросу о языке поэзии и языке прозы. Говоря о различии между ними, он подчеркивает следующее: «Мы скажем, не обинуясь: язык поэзии с лихвой орудует образами и метафорами, которых проза чуждается; в ее словаре есть особенности, выражения, которые мы не привыкли встречать вне ее обихода, ей свойственен ритмический строй речи, которого за исключением некоторых моментов аффекта чуждается обыденная, деловая речь, с которой мы обыкновенно сближаем прозу».

Поэтический язык А.Н. Веселовский характеризует как торжественный, возбуждающий удивление. В поэзии употребляются выразительные, конкретные слова, вызывающие ассоциацию. Ученый считает, что поэтический язык и язык прозы имеют одни и те же основы: ту же конструкцию, те же риторические фигуры, те же слова, эпитеты, метафоры, образы. Язык прозы рассматривается в качестве лишь противовеса поэтическому языку. «В стиле прозы, - пишет А.Н. Веселовский, - нет, стало быть, тех особенностей образов, оборотов, созвучий и эпитетов, которые являются результатом последовательного применения ритма, вызывавшего отклики, и содержательного совпадения, создававшего в речи новые элементы образности, поднявшего значение древних и развившего в тех же целях живописный эпитет».

Рассуждая о подъеме литературы в прозе в связи с усилением демократических интересов, А.Н. Веселовский предлагает осмыслить данный факт как «аристократизацию поэзии». Взаимодействие поэтического языка и языка прозы, согласно мнению ученого, вызывает вопрос психологического характера: «В прозе является не только стремление к кадансу, к ритмической

последовательности падений и ударений, к созвучиям рифмы, но и пристрастие к оборотам и образам, дотоле свойственным лишь поэтическому употреблению... Язык поэзии инфильтруется в язык прозы; наоборот, прозой начинают писать произведения, содержание которых облекалось когда-то, или, казалось, естественно облекалось бы в поэтическую форму», поскольку поэтический язык считается архаичнее языка прозы.

В противовес сказанному в формальном направлении считается, что работа поэтических школ сводится к накоплению и выявлению новых приемов расположения и обработки словесных материалов и, в частности, гораздо больше к расположению образов, чем к созданию их. Формальный подход на первый план выдвигает не результат, а сам процесс. Во главу угла ставится значение функционирования творческой лаборатории человека искусства.

Р.О. Якобсона поэтическое слово интересует во временном ракурсе: прошлое - настоящее - будущее. Говоря о новейшей русской поэзии, он подчеркивает следующее: «Каждый факт поэтического языка современности воспринимается нами в неизбежном сопоставлении с тремя моментами: наличной поэтической традицией, практическим языком настоящего и предстоящей данному проявлению поэтической задачей». Ученый считает, что развитие теории языка поэзии будет возможно лишь тогда, когда поэзия будет восприниматься с социальной точки зрения, что позволит создать «поэтическую диалектологию».

Р.О. Якобсон вводит в интерпретацию «поэзии функциональный подход, рассматривая поэзию как «язык в его эстетической функции». Поэтический язык - это «мир эмоций, душевных переживаний, как «складочное место, куда сваливается все, что не может быть оправдано, применено практически, что не может быть рационализировано».

О.Н. Тынянов отмечает, что законы развития сюжета в стихе иные, чем в прозе. Поэтический язык и язык прозы отличаются также по восприятию и воспроизведению образа. Функция образа в них различна. По мнению Б.А. Ларина, «мастерство словесных эффектов у поэта совсем другого рода и имеет совсем иное назначение, чем во всех остальных типах речи... ни в каком

смысле недопустимо называть поэтическую речь «диалектом» (здесь имеет место полемика с положениями А.А. Потебни. - В.Т.) поэтической речи не свойственна замкнутость, недоступность непосвященным». Б.А. Ларин в итоге признает продуктивность эстетического исследования, которое, как он полагает, «будет менее предвзятым». В.В. Виноградов считает науку о речи литературно-художественных произведений ступенью к науке о языке поэзии. «Поэтическая речь, - пишет ученый, - искомая величина, речь художественных произведений - данность. И только через исследование приемов словесной организации литературных произведений можно приблизиться к раскрытию поэтических форм языка вообще, чтобы замкнуть принципиальное выяснение их природы в особую дисциплину о поэтической речи». Рассуждая об образном строе лирики Пушкина. Г.В. Степанов подчеркивает, что «поэтические формулы» являются для поэта не только как данные, но и как заданные, побуждающие поэта к импровизации. В связи с этим ученый полагает, что в искусстве «смыслотворчество» реализуется как «образотворчество».

О разновидностях языка Г.О. Винокур говорит как о представлении различных функций языка. При этом одна и та же система языка может служить разным областям культуры, иметь различное жизненное назначение, «выражать различные модусы сознания». Язык, таким образом, представляется как материал логической мысли, науки. В этом случае срабатывает функция передачи смысла особого рода. Язык как материал искусства включает работу художественной функции: «Поэтическое произведение, разумеется, содержит в себе не просто язык, но прежде всего - мысли и чувства, выраженные в языке».

В семиотической традиции тартуско-московской школы предлагается следующее соотношение в интерпретации поэзии и прозы: «... стихотворная речь (равно как и распев, пение) была первоначально единственно возможной речью словесного искусства. Этим достигалось «расподобление» языка, отделение его от обычной речи. И лишь затем начиналось «уподобление»: из этого - уже резко «непохожего» - материала создавалась картина действительности, средствами человеческого языка - строилась модель-знак. Если язык по отношению к действительности выступал как некая воспроизводящая структура, то литература

представляла собой структуру структур. То, что литературное произведение - органическая структура, определяет и решение вопроса о соотношении поэзии и прозы». Подобного взгляда придерживается и В.Н. Топоров: «Происхождение «поэтической» функции неотделимо от происхождения самого языка, и «первоговорящий» был одновременно и «первопоэтом», поскольку сам выход в слово (область и статус до того неизвестные) образует обращение на сообщение ради самого сообщения... что и составляет суть «поэтической» функции».

Ю.М. Лотман отмечает, что путь исследования словесности можно рассматривать как описание движения, идущего от поэзии к прозе как более сложной структуре. Следующий этап - этап вытеснения поэзии прозой. В дальнейшем поэзия и проза функционируют как самостоятельные, но коррелирующие художественные системы.

В итоге Ю.М. Лотман подчеркивает, что проза (имеется в виду художественная) возникла на фоне конкретной поэтической системы как ее отрицание с реализацией так называемого минус-приема. При рассмотрении возможности взаимокорреляции поэзии и прозы уместным представляется вопрос о характере действия порождающих моделей. «Здесь совершенно ясно, - пишет Ю.М. Лотман, - что стиховая модель будет отличаться большей сложностью, чем общеязыковая (вторая войдет в первую), но не менее ясно, что моделировать художественный прозаический текст - задача несравненно более трудная, чем стихотворный». Ю.М. Лотман считает неверной постановку следующего вопроса: «Зачем нужна поэзия, если можно говорить простой прозой?», поскольку «проза не проще, а сложнее поэзии». Для изучения единой идейно-художественной природы словесного искусства Ю.М. Лотман предлагает структурный анализ стиха, который позволил бы преодолеть недостаток, заключающийся в попытках «перекинуть мостики между двумя независимыми системами».

XX в. дал России поэта, «судьба и весть» которого отличаются масштабностью, не вызывающей сомнения. Творчество Осипа Мандельштама не вписывается в академические рамки: «Прописать бесприютную тень бесприютного поэта в

ведомственном доме отечественной литературы, отвести для него нишу в пантеоне и на этом успокоиться - самая пустая затея, - размышляет С.С. Аверинцев. - Уж какой там пантеон, когда у него нет простой могилы, и это очень важная черта его судьбы. Что касается литературы, не будем забывать, что в его лексиконе это слово бранное...».

Пожалуй, ни в одной культуре, кроме русской, нет такого количества литературных отступников», составляющих неформальный пантеон писателей и поэтов. Символично, что время рождения этой творческой плеяды поэтов представляет собой непрерывный ряд отметин на временной оси: 1889 - год рождения Анны Ахматовой, 1890 - Бориса Пастернака, 1891 - Осипа Мандельштама, 1892 - Марины Цветаевой.

С.С. Аверинцев, желая представить целостную картину, следующим образом характеризует творчество Мандельштама: «Несогласуемые между собой, не сводимые воедино представления о Мандельштаме - словно проекции трехмерного тела на плоскость... Чтобы получить три измерения, восставляют к прямой перпендикуляр, проводят через две прямые плоскость, а затем восставляют новый перпендикуляр, на сей раз - уже к плоскости. Поэзия, по Мандельштаму, - пространство даже не трехмерное, а четырехмерное. Можно понять, что поэт только и занимается восставлением «перпендикуляров», что он весь - поперек и наперекор самому же себе («себя губя, себе противореча...») и что это - не только от странностей психологии, от извилин биографии, но прежде всего потому, что иначе ему не освоить полноты измерений своего мира».

Как свидетельствует С.С. Аверинцев, последовательная художническая воля Мандельштама далека от демонстративного вызова. Вначале творческого пути это проявляется как некое отрицание. По словам К. Брауна и Н.А. Струве, у раннего Мандельштама отмечалось «преизобилие» отрицательных эпитетов (небывалый, невыразимый, неживой, недовольный, неизбежный, ненарушаемый, неожиданный, нерешительный, неунывающий, неутоленный, неутолимый, бесшумный, безостановочный), которые внутри стиха приобретают особую силу:

От неизбежного

Твоя печаль,

И пальцы рук

Неостывающих,

И тихий звук

Неунывающих

Речей...

Отрицание при этом выполняет функцию утверждения:

...Но люблю мою бедную землю,

Оттого, что иной не видал...

Подобное явление свойственно также мироощущению Марины Цветаевой:

Мне нравится, что вы больны не мной,

Мне нравится, что я больна не вами...

Для техники и образности Мандельштама характерно господство аскетической сдержанности, в них нет редких, звонких, изысканно-богатых рифм, как у Вячеслава Иванова. Аскетичность проявляется также в осторожном употреблении имени, имени собственного: «Легче камень поднять, чем имя твое повторить» (поэтическая вера Мандельштама). «Любое имя, - указывает С.С. Аверинцев, - как бы причастно у него библейскому статусу имени Божия, которое нельзя употреблять всеу. Установкой на субстанциональный характер акта именованья исключено расточительное употребление «экзотических» имен для декоративных целей, как это было обычным у Брюсова или Волошина».

Размышляя о творчестве Мандельштама, С.С. Аверинцев проводит параллели, сравнивая его с символистами: «Символизм немислим без своей религиозной претензии. Символисты легко приступали к штурму верховных высот

мистического восхождения; «новое религиозное сознание» было лозунгом их культуры. Старые критерии для отличия христианского от антихристианского или хотя бы религиозного от антирелигиозного отменялись, новых не давалось, кроме все того же: «гори!» Поэтому для символизма в некотором смысле все - религия, нет ничего, что не было бы религией. Акмеисты же, напротив, восстанавливают святость сакрального слова, устанавливая своеобразное табу. Мандельштам и Ахматова выражают «протест против инфляции священных слов». Парадоксально для творчества Мандельштама то, что его «матовый» стих и негромкий голос произвели столь громкий резонанс в русской культуре и литературе XX столетия. В завершение своих размышлений о творчестве Мандельштама С.С. Аверинцев отмечает, что это - «не беспроблемный симбиоз, в котором эксцессы рассудочности мирно уживаются с эксцессами антиинтеллектуализма. Это действительно противоречие, которое «остается глубоким, как есть». И установка «смысловика», и жизнь «блаженного, бессмысленного слова» остаются, оспаривая друг друга, неожиданно меняясь местами. Поэтому Мандельштама так заманчиво понимать - и так трудно толковать». Характеризуя фундаментальное значение творчества мастеров художественного слова, В.Н. Топоров подчеркивает зыбкость границ между прозой и поэзией, выявляя то универсальное начало, которое обеспечивает целостность сущего и творимого:» Ввиду тех решающих преобразований, которые привели в творчестве Ахматовой (и Мандельштама) к существенному изменению границ между прозой, поэзией и внеположенным миром, поэтическое пространство текста оказалось предельно углубленным и расширенным, его мерность увеличилась, оно приобрело тот статус неопределенности и многозначности, который лишает текст окончательности, законченности смысловых интерпретаций и, наоборот, делает его «открытым», постоянно пребывающим *in statu nascendi* и поэтому способным к улавливанию будущего, к подстраиванию к потенциальным ситуациям».

2.3. Лингвокультурологические особенности зоонимов в каракалпакском языке

История народа неотделима от истории национальных ценностей и культуры. Конкретное историческое развитие, культурное развитие, этнографический образ жизни, мировоззрение, информация о культуре и народном устном творчестве этносов закономерности, в частности, находят выражение в пословицах. Большинство пословиц примеры устного творчества, сохранившиеся с древних времен до наших дней важная информация о национальных ценностях, общественном мнении, содержит информацию об обычаях, традициях, образе жизни объединяет.

Источником исследований в лингвокультурологии является культура.

состоит из блоков, отражающих элементы, каждый из которых специфические обычаи, традиции, ценности, мировоззрения и национально-культурные выражают законы в той или иной степени. Пословица лингвокультурология взаимосвязь языка и культуры как целого, культурные взгляды служит для выражения.

С лингвокультурологической точки зрения статьи о зоономической составляющей анализ взаимосвязи языка и культуры, содержание статей. Сбор мировоззрения, мышления, ценностей зоонимов и важен для освещения функции выражения. Лингвокультурология природы языка и нации как новое направление каракалпакского языкознания при изучении взаимозависимости характера зооним является составной частью изучение пословиц проистекает из общности национального языка и национальной культуры всесторонний анализ зоонимов и их коммуникативных, требует функционально-семантических, эмоционально-выразительных особенностей.

Зоонимы существуют в языковом богатстве каждого народа и природы, выводы об обществе, человеческом поведении, положительном, присущем движению и служит для демонстрации негативных ситуаций, чувствительности. Zoonim и мир и каракалпакский, посвященный анализу текста с компонентом зоонима Лингвистические исследования носят исторический, лексико-семантический, функционально-методологический характер и играют важную роль в человеческом обществе направленный на освещение смысловых особенностей названий животных.

Лингвокультурология зоономических, зоономических компонентов текстов

лингвоструктурные, этнические, статистические в исследованиях, посвященных анализу были выполнены анализы. Зоонимы символизируют черты характера проанализированы как представляющие зооморфизмы.

Среди пословиц на каракалпакском языке много пословиц было обнаружено много пословиц с компонентами зоонима. Это произошло из-за того что, на территории Каракалпакстана люди в основном занимаются животноводством, охотой, животными. Становление животноводства как древней культуры и разработка заложила основу для появления названия домашнего воздуха в пословицах в таком случае развитие охоты является основой для наблюдения за названиями диких животных, который был. Животноводство, охота и регулярное наблюдение за популяцией использование разных названий животных в пословицах при условии Изучение зоонимов на определенном языке - культурные ценности этого народа требует определенного уровня знаний и навыков.

Использование зоонимов в структуре каждой народной пословицы имеет историческую, социальную, национальную и культурную основу. В частности, узбекские народные пословицы

Понятие «животное» (лошадь, осел, верблюд, олень, собака), «защита», «верность». понятие (собака), «хитрость» (лиса, змея), образ жизни, понятия, относящиеся к мировоззрению, культуре, поведению, деятельности описано.

Зооним на каракалпакском языке выражается в составных артиклях, аспекты прагматического значения включают метафору, метонимию, синекдоху и осуществляется на основе функциональных методов. Значение миграции увеличение методической окраски, масштабов эмоционально-выразительного воздействия повышает эффективность доставки информации.

2.3.1 Лингвокультурологические особенности употребления зоонима «корова» в английском русском и каракалпакском языках

Отображение природы, в том числе ее животного мира, во фразеологических образах, связаны в Средней Азии с более ранним временем, еще во времена зороастризма, когда человек чувствовал себя частью природы и сама природа олицетворяла, наделяла представителей флоры и фауны качествами, присущими

человеку. Так с годами в сознании разных культур сформировались различные стереотипы, разные представления о флоре и фауне, которые мы видим на примерах народного творчества: сказки, пословицы, поговорки и т. д. Это также проявилось во фразеологизмах, которые включают в себя названия флоры и фауны, с присущими им человеческими качествами либо трудолюбием, либо верностью, ленью, хитростью. Эти фразеологизмы получили название зооморфемы или анимализмы. Географическая и культурная удаленность языковых регионов способствует уникальности многих образных и эмоциональных представлений о животных. Природа и содержательные эмоциональные ассоциации часто определяются не свойствами животных и их жизнью, а в национальном фольклоре, мифологическом и литературном контекстах. Рассматриваются некоторые репрезентации, которые получают животные. Например, значение связанное с лисой в сравниваемых языках показывает то, что это животное ассоциируется с хитростью и обманом (по-каракалпакски -*tulkidey haууар*;

по-английски - *sly as a fox; to play the fox*; по-русски- лисой пройти, отыгрывается как лиса хвостом.

Изучение практического материала нашей работы представляет собой теоретическое положение о том, что содержательные аспекты понятий лишь частично объективируются в языке, иными словами, вербализация является элементами, составляющими понятия. Концепт рассматривается как концептуальная картина карты мира, которая выступает в качестве соответствующего фрагмента языковой картины мира. В частности, в зороастризме, древнейшей религии, исповедовавшейся еще до Ислама на территории Средней Азии, было примитивное отношение к животным как символам. Корова у зороастрийцев владеет практически теми же предикатами, что и в буддизме- рассказывают, что при Заратуштре, пророке и основателе зороастризма, вассалы добродетельного царя Виштаспы данных животных не убивали; первоначально, покушение на жизнь коровы, поедание ее в Гатах - это образ грехопадения, в зороастрийской мифологии первым, кто научил людей есть говядину, был Ахриман , верховное божество зла, лично, принявший обличие жуткого повара-кулинара. От коровы брали молоко, и считали ее кормилицей

мироздания- род Коров принял в свое время сознательное решение служить и помогать людям, просто по доброте и благородству; все должны быть им за это признательны.

Как отмечает С. П. Бушкевич, «В древности славяне не забивали коров на мясо. Коров не режут, а продают даже в случае болезни или старости. И фактическая, и условная продажа заболевшей коровы воспринимается как магическое средство, способствующее ее выздоровлению. У западных и южных славян в случае срочного (из-за болезни) забоя коровы ее мясо хозяева не потребляли, а продавали его соседям или всем жителям села. Корова играет важную роль в погребальном обряде у восточных и западных славян. У восточных славян существовал обычай дарить корову священнику или бедняку сразу после похорон. На Украине и у западных славян верят, что крупный рогатый скот оплакивает смерть хозяина. В некоторых местах домашние животные сопровождают гроб с телом хозяина до церкви. По поведению коровы можно предсказать смерть в доме. Есть свидетельства того, что на Руси коров часто хоронили как людей». Таким образом, уже в древности корова была почитаемым и священным животным.

Однако, в английской фразеологии корова иногда имеет и отрицательную коннотацию. Коровой всеобщее называют зрелую самку различных, обычно крупных животных (например слона, кита, лося) или же домашний крупный рогатый скот независимо от пола и возраста. В неформальной британской лексике коровой называют глупых и раздражительных женщин. *Liesel was on such a high that she felt indestructible. "I said," she beamed, "stupid cow," and she didn't have to wait a single moment for the teacher's hand to slap her. — Markus Zusak.* (Лизель была на такой высоте, что чувствовала себя несокрушимой. -Я сказала, — просияла она, - глупая корова, - и через минуту учитель дал ей пощечину) *Cow, bully, bulldoze* используется как глагол в английском языке, что означает запугать до подчинения, что подразумевает внушение страха или чувства неполноценности. *I refuse to be cowed by their threats.* (Я не хочу чтобы меня пугали их угрозы)

Неторопливость коровы дала основу для развития символического значения коровы как символа неуклюжести, неловкости, неповоротливости: (этакая) корова «неуклюжая, толстая женщина»; как корова (неуклюжая); как корова на льду «о человеке, неуверенно идущем по скользкой поверхности», «о женщине на высоких каблуках» [4, с. 138]; *Она и красавица, и умница, и стройная, и сексуальная, а ты корова, бомбовоз в юбке!* (Татьяна Устинова); *Сдери ты с меня эту шкуру. Да не стой ты, корова лопухая! Филька корявыми, замерзшими руками выцарапывался из тужурки* (Б. С. Житков. Виктор Вавич); *А, а! Буренка! она один раз пьяному казаку весь хохол на кичке съела, а животина добрая... питает»* (Н. С. Лесков). В словаре С. И. Ожегова отмечено также выражение *корова на заборе* (о неуклюжем всаднике).

В каракалпакской фразеологии зооним «корова» имеет особое место, т. к. каракалпаки издавна были кочевым народом. Данный зооним использовался в качестве описания характера, внешних особенностей или рода деятельности человека. Например, *siyirdin kozindey-* в прямом значении человеческие глаза сравниваются с глазами коровы, описывается красота глаз. Однако, имеет и отрицательное значение *siyirday-* раздражающий человек, который не знает норм этикета. *Poshalg'an siyirday-* используется только для женского пола, что означает вертихвостка.

Культура народа вербализуется в языке, и язык является накапливающимся ключевым понятием культуры. Установившаяся языковая картина мира представляет собой субъективный образ объективного мира и имеет черты человеческого восприятия мира, то есть антропоцентризм, пронизывающий весь язык. Изучение концепций помогает выявить то или иное мировоззрение людей и представить концептуальную и национальную картину мира.

Таким образом, даже небольшой анализ слова *корова* позволило представить национальную специфику восприятия ее и специфику отражения мира в русском, каракалпакском и английском языках.

2.3.2 Лингвокультурологическая задача фраз, связанных с названием лошадей в каракалпакском языке

С давних времен лошади использовались в качестве транспортного средства, во время воин были верными друзьями седоков-джигитов, настоящим другом. Коневодство не только связано с домашним хозяйством, но оно являлось как хобби для мужчин, они проводили уход за ними и участвовали в народных состязаниях и национальных праздниках. Лошади принимали участие в скачках, подраставшие юноши и девушки на лошадях гонялись друг за другом, в частности «за девушкой», то есть будущей супругой. Лошади были верными помощниками в земледелии. Его сила помогала в сборе урожая, копытами лошади размельчали собранное зерно, они помогали в мельничном деле. Большой объем урожая, в частности рис, мелится с помощью лошадей, под тяжестью копыт зерна пшеницы в многократном обходе мельницы превращались в муку. Также лошадиное мясо применяется в продовольствии. Из конины готовятся разнообразные фирменные блюда, а его молоко – кымыз имеет жаждоутоляющее свойство в жаркое время года. Лошадиную кожу применяют в кожной галантерее. Поэтому сохранились из века в век до наших дней устойчивые словосочетания, определяющие характер, внешность, походку, красоту и скачки лошадей. В Центральной Азии коневодство тесно связано с хозяйственным бытом, культурой и традициями, которые сохранились до сих пор. В связи с тем, что местному народу в повседневной жизни приходилось ухаживать за лошадьми, они употребляли определенные термины, и эти термины, связанные с лошадьми отражались и в животноводстве каракалпакского народа. На сегодняшний день на территории Каракалпакстана традиционно хорошо развивается коневодство. Об этом можно узнать по собранным нами статистическим данным, в статье приведены отрывки из пословиц и поговорок каракалпакского фольклора, связанные с лошадьми. Ещё с давних пор коневодство имело большое значение в жизни каракалпаков. На сегодняшний день опубликованы ряд статей и имеются работы по названиям лошадей. Один из разделов кандидатской работы К. Пахратдинова посвящен коневодству, он описывает о приручении коней, и использовали в быту кочевые народности, населявшие территорию с Алтайских гор до реки Дунай. Особое внимание уделяется тюркским и монгольским народам, которые с ранних периодов держали лошадей в быту, использовали их мясодля пищи, пили их молоко –

кымыз, а самых быстрых лошадей готовили для состязания скакунов. В работе А. Абдуллина «Образ коня в казахской мифологии» отображаются научные сведения как индоевропейцы впервые приручили и внедрили порядки для лошадей [1, с. 77]. Лошади играли большую роль во всех отраслях нашего быта: в земледелии, в военном деле, как транспорт и в продовольствии. Для джигитов и настоящих мужчин лошади считались настоящими друзьями. Доказательством этому служат каракалпакские фольклорные произведения, в которых ярко показаны примеры из жизни предков. Названия лошадей в языкознании рассматриваются под общим названием зооним. На сегодняшний день в языкознании зооним традиционно изучается только в номинативном характере или в терминологическом направлении. В качестве яркого доказательства этого можно особо отметить научный труд А. Ж. Омонтурдиева «Названия домашней утвари и эвфемика пословиц и поговорок в животноводческом языке». Автор рассматривает животноводческие термины, семантику пословиц и поговорок, употребляемых только в животноводстве. В статье пословиц и поговорок, а также фразеологизмов (устойчивых словосочетаний), употребляемых относительно названий лошадей, он анализирует отдельно. В каракалпакском языке имеются очень много устойчивых словосочетаний, связанных с названиями лошадей: 1. Жылқы минез адам – человек слова, с прямым характером, который всегда сдерживает свое слово. Посредством символа лошади, наблюдается следующие особенности, как сила, отвага, смелость. 2. Жылқыдай адам – человек, который никогда не устает, себя не жалеет, не гнушается никаким трудом. Здесь имеется в виду такое лошадиное качество, как трудолюбие. 3. Аттай минез – устойчивое словосочетание употребляется для передачи состояния человека с упрямым характером. 4. Тайдай шапқылау [скакать, словно жеребец] – под данным устойчивым словосочетанием понимается беспокойный характер, старание сделать что-то побыстрее, поскорее. 5. Тайдай айқасыу [дерутся, словно жеребята] – под данным устойчивым словосочетанием понимается драка в шутку или дружеская схватка среди мальчиков, особенно, среди детей младшего возраста. 6. Тайдай тебисиу [лягаться, словно жеребята] – устойчивое словосочетание, тоже означает подвижную игру, дружескую схватку среди детей младшего возраста. 7. Тайда туяқ қалмай келиу [до последнего, до конца –

означает стопроцентную явку на какое-либо мероприятие, включая даже малолетних детей. 8. Аттай силкиниў [стряхиваться как конь] в прямом смысле слова конь дергается, чтобы стряхнуть с себя влагу. Данная фраза выражает отношение, взгляд человека на определенное обстоятельство, когда он чем-то озабочен. 9. Ат жигиттин қанаты – эта фраза означала, что всегда и во все времена лошади являлись самым верным другом и надежной опорой мужчин). Лошади во время сражений и воин своих хозяев оберегали от несчастных случаев, от бед и напастей. Вместе с тем были незаменимыми помощниками в быту и в домашнем хозяйстве. 10. Аттан туссе де, ерден туспеў – в данной фразе заключено следующее значение: некоторые люди требуют к себе повышенного внимания, хотя они давно покинули свой пост и должность, но все равно им нравится быть в центре внимания, говорить с важным видом и в приказном тоне. 11. Жақсы атқа бир қамшы, жаман атқа мын қамшы – фраза в переносном значении означает, что сообразительному человеку достаточно кивка или намека, а недоумку, сколько не объясни, сколько не втолковывай – все бесполезно. 12. Атты көрiп аяғы талды – если пеший увидев на лошади седока, пожелает тоже сесть на лошадь, захочет или помечтает об этом, то есть восхищается. Также другое значение этой фразы – если увидев у другого вещь или предмет, который нет у него самого, то тотчас же возникает желание иметь эту вещь или предмет, то есть появляется зависть. В переносном значении означает беспокойство по поводу отсутствия того или иного предмета, скорейшее получение или приобретения этого предмета. В «Кратком фразеологическом словаре каракалпакского языка» Ж. Ешбаева, употребляется одна устойчивая словосочетание «жылқысы таўға шығыў» [удача, везение] – радоваться, быть довольным от исполнения какого-либо желания. Следует сделать вывод, что вопросы названий лошадей в составе устойчивых фраз, идиом требуют лингвистических, особенно, этимологических исследований. В IV томе каракалпакского фольклора мы можем встретить пословицы и поговорки, связанные с лошадьми, напр.: Аты, тоны бар кисиниң Той-жыйынға барысы бар, Ул, қызы бар кисиниң, Қудалыққа барысы бар. [Человек, имеющий коня и шубу, Ходит по пирам и гостям. Человек, имеющий сына и дочь, Ходит по сватям. Арғымак атқа оқ тийсе, Ябыдай болып туўламас. [Рысак не поскачет как сивый

мерин, Рысак по-каракалпакски жүрмел, жортак ат. СМ.: ябыға (Жеребенок после первой линьки до года”, даже если попадет в него стрела]. Айғырды неден қойсаң Атты да соннан минесен. [Каким был жеребцом, Таким конем и вырастет]. Тулпардың үйири бир болсада Отлауы басқа. [Крылатые кони, хоть и из одного табуна, Они выделяются]. Қойлы бай нурлы бай, Жылкылы бай сылдыр бай. [Богатый на баранов – лучистый, везучий бай, Богатый на коней – не совсем бай, небогатый. Жорға минген жолдасына қарамас. [Кто на рысаке, тому не до спутника]. Байтал шауып бәйги алмас. Кобыла – не может быть лучше жеребца. Бедеу аттың жорғалағаны айып, Тазы ийттиң үргени айып. [Скакать рысаком вина жеребца, Лаять как дворняжка вина борзой собаки]. Ат болатын тай жылқыға үйир, Адам болатуғын бала қонаққа үйир. [Жеребенок, которому предписано стать настоящим конем Держится близко к коню, Мальчик, который хочет стать настоящим седоком Держится близко к гостям]. Жалғыз болсаң түйе сақла Жарлы болсаң бийе сақла. Кобыла, не ожеребевшая кобыла [Если ты одинок Выращивай верблюда, Если ты беден Выращивай жеребу в доме]. Ябыда болсам бууданман Сәтли күни тууғанман. [Я хоть и казахский конь и из смешанной крови, Зато родился в удачный день]. Ешек өзін төмендемес бедеуден, Егер сатағойсаң базарында беллиди. [Осел не считает себя ниже арабского скакуна, Ты на него на базаре посмотри]. Тап бергенде тай озар, Табаны қызса ат озар. [В рывке первым жеребец прискачет, Если разбежится, то конь прискачет]. Қулынлаған бийеден Қудықтағы суу қалмас. [После ожеребившейся кобылы Не останется и вода в колодце]. Бедеу – самая знаменитая лошадь, привезенная из Аравии. Его еще называют әребиат [арабский конь]. Ат – так называют коня после трех лет. Жылқы – вид лошадей, используемых для черной работы, а также в качестве транспорта. Айғыр – лошадь-самец, это название ему дается после того периода, когда его называют ғунаном. Тулпар – крылатый конь, на которых скачут богатыри в сказках. Он, если погонится – обязательно догонит, если убегает – обязательно спасется. Тай-тайыншақ – это название применяется по отношению к коню, которому уже есть шесть месяцев, а до этого его называют қулын–қулыншақ. Ябы – лошадь казахского происхождения. Хвост и грива коня бывает синеватого оттенка, рост низковатый, а ноги коротковатые. Это говорит о том, что он рабочая лошадь. Қулын – так

называют жеребёнка от рождения до года (десяти месяцев). Ласкательное название – кулыншақ. Бийе – самка на сносях. Буўдан – появляется от скрещивания лошадей двух видов. У каракалпаков коневодство тесно связано с хозяйственным бытом, до сих пор сохранились связанные с ними пословицы и поговорки. Ат – жигиттиң қанаты [Конь – крылья джигита]. Ат сапарда билинер [Конь проверяется в дороге]. Ат орнын тай басар, ата орнын – ул [Место коня занимает жеребец, место отца – молодец]. Ат куралы – қамшы, ийт куралы – таяк [Средство для коня – кнут, а для собаки – палка]. Также у тюркоязычных народов есть много трудов по коневодству. В исследовании языкознания и его отдельных вопросов эти труды являются главными и важными источниками в исследовании данной темы. Одним из таких ценных трудов можно назвать «Девону лугатиттурк» Махмуда Кашгари. «Девону лугатит-турк» - это настоящее энциклопедическое произведение, потому что здесь встречаются слова, относящиеся ко всем областям общественно-политических терминов. Преимущество в том, что подобные языковые единицы есть и сейчас, они живут до сих пор и являются богатым наследием народа, особенно в словаре имеются названия растений, термины животноводства, коневодства и земледелия, также профессионализмы, относящиеся к разным специальностям, названия предметов хозяйственной утвари, продукции продовольствия и одежды, обычаев и традиций, топонимические наименования, а также другие языковые единицы. Это в свою очередь даст ценные сведения не только об имеющихся своеобразных профессиях общества того периода, но и образа жизни народа. Ученый Ш. Абдиназимов указывает, что в произведении «Девону лугатит турк» Махмуда Кашгари» встречается около 10000 (десяти тысяч) слов. Если анализировать количественно тематические группы слов в труде Махмуда Кашгари «Девону лугатит турк», то из них составляет большинство языковых единиц преимущественно слова и термины касательно животноводства, в особенности употреблены термины коневодства, они составляют 155 главных слов. Это значит, что животноводство (коневодство) является главным занятием в домашнем хозяйстве и источником пропитания тюркоязычных народов, в том числе каракалпаков. Из них встречаются ряд единиц, означающих разновидности, внешнего вида и номативного значения домашних лошадей.

Особенно, употребляются нижеприведенные слова для обозначения внешнего вида и действия лошадей: 1. Слова конь и лошадь имеют равное служебное значение. Ат – ат куш канатін, эр атін [птица – крыльями, а молодец – конем] [6, с. 70]. 2. Встречаются слова, обозначающие внешний вид, цвет и некоторые отличительные черты лошадей. Например: Угар ат - конь с пятном на лбу [6, с. 87]. Қашға ат – лошадь черного или другого цвета, но с пятном на лбу и употребляется в каракалпакском языке в форме «қасқа ат» [6, с. 402]. 3. Встречаются также нижеприведенные слова, обозначающие возраст, внешний вид, упорство и двигательную активность лошадей. Озуқ ат – самый быстрый конь в поединках и состязаниях «ылақ жарыс» [поединок скакунов] [6, с. 97]. Қісрақ [молодая самка]. У огузов всякая самка. Огузское племя называло всех видов самок – қысрақ. А в каракалпакском языке слово «қысыр» употребляется ко всякой самке, из домашних животных самкам коров, лошадей и верблюдов. Всякое животное, которое не на сносях называют қысыр. Например: корова не на сносях, лошадь не на сносях, верблюдица не на сносях и т.д., то есть отсюда можно сделать вывод, что семантика слова «қысыр» означает не ожеребившая [6, с. 439]. Kawal [лошадь-рысак]. На сегодняшний день вообще не употребляется форма слова «кауал» для обозначения походки лошади. Есть слова, обозначающие это понятие жорға [рысак], жүрмел [ловкий], шапқыр [быстрый], қаназат тулпар [крылатый конь] [6, с. 376]. 4. Слова, связанные с поведением лошадей: Окұш жілкі [необузданная лошадь]. Слово «окұш жілкі» связано с поведением лошадей, но в современном каракалпакском языке это слово не употребляется для обозначения упрямых, непокорных лошадей [6, с. 93]. Ікіш [непокорный упрямый конь] [6, с. 143]. 5. Слова, связанные с возрастом детенышей лошадей. Сіб [двухлетний жеребенок] [6, с. 309]. Кулун [самец, жеребенок] [6, с. 383]. Тосан [необъезженный жеребенок]. В работе встречаются вышеназванные формы слов, обозначающие жеребят, а в современном каракалпакском литературном языке для обозначения двухлетнего жеребенка не употребляется форма слова «сіб», а для необъезженного жеребенка форма слова «тосан» вообще. Но, для обозначения детенышей лошадей продуктивно употребляются формы слов «кулын», «кулынтай», «кулыншак», «тайыншак», «тай», «тайша» [жеребенок] и другие формы. 6. Взаимосвязь терминов

коневодства с образом жизни людей. В толковом словаре каракалпакского языка используется в форме слова аран – означало рыбу с большим ртом. Атліг эр [человек с конем]. Атлук - в их (жители города вблизи Тирож) языке [конюшня]. Аркун – дитя самки от скрещивания с диким конем. Эта форма не используется в виде аркун, он в скачках самый быстрый. Арпасіз ат - «арпасыз ат ашумас, арқасіз алп чэрік сіјумас» [не выиграет скачки тот конь, что без овса, не выиграет борьбу джигит (молодец) без помощи сородичей]. Эта пословица употребляется в значении призыва к единству. Эмілган - название встречающейся болезни у лошадей. От этой болезни поправляются, когда язва лопається сама. По персидский называется хуном или хунном. (Теперь у нас эта болезнь называется болезнью «бадном» или «бандом»). Іканді-кісрақ іканді [Самка на сносях].

Ататті. Тај ататті [Жеребенок вырос и повзрослев, стал конем]. Інатті. Ол қојін інатті [Он приказал ставить метку на своих овец и баранов]. Это означало делать подрез в ухе овца. Атғарді - Ол мэні атғарі [Он помог мне сесть на лошадь, посадил на коня. Другие также]. Отғарді [отпустил на пастбище]. Ол ат отғарді [- он накормил коней]. Другим также. Атланді [Сел на коня]. Ол ат атланді [он сел на коня]. В нашем языкознании глагол с корнем «ат» обозначает отправление куда-то, отправку и уход куда-либо. Это слово, означающее действие, на сегодняшний день обозначает животного и утратил свое номинативное значение. Қіміз - молоко лошади, его квасят на больших емкостях и пьют натошак. Арғарді. Ол атін арғарді [он утомил коня]. В этом труде большинство слов, связанные с отраслью коневодства сохранились в основной форме, а некоторые в измененном виде. Квантитативно-типологическое исследование терминов коневодства имеет важное значение в осознании генетического родства или несходства каракалпакского языка с другими языками. В связи с тем, что каракалпакскому народу в ежедневном быту приходилось ухаживать за лошадьми, они употребляли языковые единицы, связанные с животноводством, в том числе и с лошадьми. На сегодняшний день в народе хорошо развивается коневодство. Это можно узнать по собранным нами статистическим данным. В общем, если по Республике Каракалпакстан количество лошадей в 2010 году составляло 18, 489 голов, то в 2015 году – 20,274 голов, а к 2018 году оно достигло 23, 028 голов. Это значит, что и на

сегодняшний день повышается интерес и потребность нашего народа к лошадям. В заключение, можем сказать, что наш народ воспринимал лошадей в качестве эквивалента богатству, и если среди его живностей не было лошадей, он не мог считаться богатым человеком. Кони, в те времена считались престижным видом транспорта. Мы становимся свидетелями того, что наш народ еще с ранних пор хорошо развивал животноводческую отрасль, особенно, коневодство. Об этом говорят хорошо сохранившиеся в народных дастанах и фольклорных произведениях названия, связанные с животноводством, в частности коневодством. И во время всенародных праздников они участвовали на скачках и занимали призовые места, тем самым преподносили подарки своим хозяевам, а самое главное, они являлись самым верным и надежным другом мужчины, кормильцем семьи.

ГЛАВА III ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ И РУССКОМУ ЯЗЫКАМ В ИНОЯЗЫЧНЫХ ГРУППАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН"

3.1 Изучение иностранного языка как средства межкультурной коммуникации

В современном XXI веке межкультурная коммуникативная компетентность (Intercultural Communication Competence) успела стать новой педагогической

концепцией, которая проникает во все аспекты языковой педагогической деятельности. Как утверждал С.Г. Тер-Минасова: «Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием (опять же иностранным, если слово иностранное) представление о мире». Отсюда следует, что учет национально культурных особенностей занимает весомое место в изучении языка и без него невозможно полноценное овладение предметом.

Методика преподавания иностранных языков опирается не только на языковые факты, но и на внеязыковые, которые необходимы в процессе коммуникации. Владея языком, представители разных культурных общностей не всегда могут адекватно понять друг друга. Проблема нередко кроется в расхождении культур. Как отмечается, «даже носители одного и того же языка могут выступать представителями разных культур или субкультур. Они также могут не до конца понимать друг друга». Современному преподавателю иностранного языка необходимо наряду с объяснением грамматических правил и лексических единиц объяснить их использование в ситуациях реального общения. Ученик должен уметь использовать изучаемый иностранный язык как инструмент межкультурной коммуникации.

Дальнейшее рассмотрение взаимосвязи языка и культуры требует уточнения основных понятий. Термин «культура» является довольно сложным для определения, он характеризуется многозначностью и многогранностью. Резюмируя различные точки зрения, культуру можно назвать «общественным явлением». Это - совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых определённой общностью людей. Культура - продукт социальной активности человеческих коллективов, она имеет исторический генезис и играет определяющую роль в становлении отдельной человеческой личности.

Соотношение языка и культуры занимало умы многих исследователей. А.Д. Швейцер и Л.Б. Никольский сводят все подходы к трем точкам зрения: 1) язык не

является ни формой, ни элементом, культуры; 2) язык – это часть культуры; 3) язык – форма отражения культуры. Известно также, что культура определенного языка формируется в результате воздействия политических, экономических, исторических факторов и большую роль в данном процессе играет взаимодействие представителей различных культур и носителей различных языков, которое реализуется в процессе межкультурной коммуникации. Коммуникация в широком смысле этого слова – передача сообщения. «Коммуникация осуществляется одним или всеми следующими способами: действие, направленное на других, взаимодействие с другими людьми и реакция на действия других людей» Значит, если изучающие не знаком с культурными особенностями иностранного языка ему будет сложно в полной мере понять о чем идет речь.

Так, например, уже в начальной стадии изучения иностранного языка, в нашем случае русского, студенты, у которых каракалпакский язык является родным языком выясняют, что личное местоимение «Вы» используется одинокого для выражения а) «Siz» (Вы для вежливой формы) и б) «Sizler» (Вы для обозначения множественного числа). Данная ситуация отражает культурные особенности русскоговорящих стран. Лексика «отражает действительность, реагирует на изменения в общественной, материальной и культурной жизни народа». И поэтому на уроках иностранного языка стоит уделить особое внимание на несовпадение перевода лексических единиц с одного языка на другой.

Некоторые каракалпакские речевые штампы используются молодежью в прямом значении, а именно переводятся с родного на иностранный. Это далеко неправильно, недаром речевой штамп определяют как «средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, «готовый к употреблению» и потому наиболее «удобный» знак для выражения определенного языкового содержания.

Например в устной каракалпакской речи сокращенное от «Ko'remiz ne bolar eken» слово «Ko'remiz» переводится дословно на русский язык как «Посмотрим». Более подходящим эквивалентом к данной фразе является устойчивое выражение «Поживем увидим». Если адресат знаком с языком но не

знаком с культурными особенностями сообщения, оно может быть ему бесполезно, в данном случае, это в связи с тем что на территории Каракалпакстана есть свои реалии. Речевые штампы отражают сложившиеся языковые традиции и обучающимся следует понимать их смысл без дословного перевода на родной язык.

На уроках иностранного языка обучающиеся не только изучают культуру и традиции других стран, но и учатся применять эти знания на практике. Иностраный язык является инструментом межкультурной коммуникации, поэтому важно дать изучающим возможность использовать его в действии. Межкультурное общение – «общение носителей разных культур и разных языков».

3.2 Реализация концептов русской лингвокультуры в учебных текстах по преподаванию русского языка как языка межнационального общения в иноязычных классах

В современной теории преподавания русского языка активно развивается идея о том, что эффективная речевая коммуникация с носителями изучаемого языка невозможна без понимания особенностей их культуры и мировоззрения. Трансляция иностранной лингвокультуры в процессе обучения языку осуществляется через систему базовых концептов – интегральных единиц сознания, культуры и языка, – которые заложены в текстах и коммуникативных ситуациях, предлагаемых на уроке. В связи с этим актуальной видится не только проблема отбора социокультурной информации, но и проблема представления ценностно-смыслового содержания ключевых концептов изучаемой лингвокультуры в учебном материале. В содержании концепта выделяются компоненты – информационный, образный и интерпретационный, – и зоны – оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная и социально-культурная. Не во всех концептах языка отчетливо проявлены компоненты и зоны. Многие концепты «носят эмпирический характер (бежать, красный, окно, рука, ноги, голова и под.)» [Попова, Стернин, 2007, с. 35].

Однако концепты, имеющие этнокультурную специфику, обязательно заключают в себе сложное многоуровневое содержание. Полноценное усвоение иностранной лингвокультуры учащимися возможно только через проникновение в ключевые компоненты и зоны базовых концептов, понимание связей между ними. На наш взгляд, современной теорией преподавания русского языка как иностранного не в полной мере осознана необходимость выстраивания учебного процесса с опорой на структуру концепта, отсутствуют методы и приемы, позволяющие «задействовать» основные компоненты и зоны концепта в процессе обучения.

В этой связи актуальным представляется изучение сложившейся практики преподавания русского языка иностранцам сквозь призму идей лингвоконцептологии. В данном разделе рассматриваются лингводидактические модели следующих концептов русской культуры: «семья», «дом», «родина», «счастье», – реализованные в учебных текстах по русскому языку как иностранному. Данные концепты входят в число базовых концептов лингвокультуры народов мира, обладают значительным обучающим потенциалом в иностранной аудитории. Семья, дом, родина, счастье представляют собой лично значимый предмет общения для представителей разных культур. Темы семейной жизни, отношения к родине, понимание счастья способны актуализировать в сознании участников коммуникации их опыт, различные знания, а также вызвать эмоциональную реакцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные положения и выводы данного исследования можно свести к следующему:

Лингвокультурология, как комплексная область научного знания, в центре интересов которой стоит вопрос о взаимоотношении языка и культуры, переживает в настоящее время период расцвета. Этот факт, как представляется связан с тем, что как наука, лингвокультурология имеет значительный прикладной потенциал. Именно с развитием исследований явлений языка в лингвокультурологическом аспекте, в лингвистике

происходит переосмысление в интерпретации и описании культурно-языковых связей. В настоящее время отношения языка и культуры рассматриваются как имеющие характер взаимопроникновения и взаимовлияния.

Как филологическая дисциплина лингвокультурология изучает предварительно отобранное множество духовных ценностей и опыта языковой личности данной культурно-языковой общности, непосредственно ориентируясь на проявления взаимодействия языка и культуры.

В.Г. Гак предлагает различать национальную и культурную специфику. для решения вопроса о культурно-языковом взаимодействии Национальная специфика выявляется при сопоставлении языков и предопределяется двумя факторами: объективным и субъективным. Объективный фактор предполагает естественные и культурные реалии, характерные для жизни одного народа, но отсутствующие в жизни другого народа. Субъективный фактор состоит в факультативной выборности: слова, отражающие одни и те же реалии, различным образом представлены в разных языках. Иначе говоря, национальная специфика проявляется во всех случаях расхождений, которые могут быть обусловлены или не обусловлены причинами культурного характера. Культурная специфика предполагает соответствие языковой

единицы элементу менталитета или духовной культуры сообщества, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни.

Национально-культурная специфика находит отражение в языке как системе, которая при анализе выстраивается в определенную языковую картину мира.

Языковая картина мира – это зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности. Это отражение в языке представлений о мире, осуществляемое человеческим менталитетом данного языкового коллектива. Языковая картина мира беднее концептуальной. В языковой системе находит выражение только незначительная часть представлений о мире данного языкового социума. Языковая картина мира часто называют наивной. Однако, как подчёркивает Ю.Д. Апресян, наивная – не означает примитивная, за «наивностью» языковой картины мира стоит опыт десятков поколений, таким образом, «наивность» связана с отражением бытового, обыденного восприятия вещей в противоположность научному их пониманию и объяснению.

Воссоздание языковой картины мира возможно осуществить через описание структуры языковой личности. Языковая личность понимается как носитель языка, посредством которого осуществляется прием и передача социального опыта, характеризующего и характерного для данной лингвокультурной общности. Таким образом, языковая личность владеет лингвокультурным кодом, обеспечивающим многообразные и многосторонние связи с различными представителями того же этносоциума.

Очевидно, что язык является не только средством общения, но и хранителем культуры. Любой язык является носителем национально-культурного кода определённого народа. Этот национально-культурный код составляют слова, которые показывают связь языка и культуры.

Мы живем в эпоху глобализации, процесс, затрагивающий всё земное пространство. Следовательно, уже ни один народ не может жить в коммуникативной изоляции. Для этого стал необходим универсальный язык,

язык межкультурного общения. Универсальным языком на постсоветском пространстве стал русский язык, а английский язык стал первым мировым универсальным языком, *lingua franca*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Президента Республики Узбекистан о мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков. - Г.Ташкент: газета «Народное слово», 11.12.2012г. №240 (5630)
2. Азнаурова Э.С. Слово как объект лингвистической стилистики: Дис... докт. илол. наук. – М., 1974. – 48с.
3. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В. Лексикология английского языка. - М., 1999. – 265 с.
4. Апресян Ю.Д.. Интегральное описание языка и системная лексикография. «Языки русской культуры». Избранные труды/ Ю.Д. Апресян. М.: Школа, 1995. Т.2. С. 32-56.
5. Аракин В. Д. История английского языка. – М., 2001. – 310 с.
6. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира// Язык о языке/ Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7-9.
7. Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В. К вопросу о правильности речи// Вопросы языкознания. – 1960. - №2. – С.35.
8. Бабич Г.Н. Lexicology: A current Guide. Лексикология английского языка: учебное пособие. – Екатеринбург: Уральское издательство: Москва: Большая медведица, 2005. – 176с.
9. Бабкин А.М. Идиоматике (фразеология) в языке и словаре// Современная русская лексикография 1977. – Л.: Наука, 1979. – С. 4-19.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр./ Общ. ред., вступ., ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 448с.
11. Бердяев Н.А. Судьба России. Самосознание. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 544с.
12. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. – 283с.
13. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – Изд-во Моск. Унта, 1993. – 223с.
14. Вайнрах У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 264с.
15. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780с.
16. Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики/ Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272с.

17. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 405с.
18. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания// Вопросы языкознания. – 2002. - №4.-С.42-72.
19. Воробьев В.В. Лингвокультурология (Теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331с.
20. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Учпедгиз, 1972. – 639с.
21. Виноградов В.В. История слов. - М.: Толк, 1994. - 1138 с.
22. Вингенштейн Л. Философские работы. Ч.1. М., 1994. – 340с.
23. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 237с.
24. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов// Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260-265.
25. Глинкина Л.А, Чередниченко А.П. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка: сб. таблиц, упражнений, материалов. М.: Флинта; М.: Наука, 2005.-208 с.
26. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике)// Вопр. языкознания, 1985, №2. – С.71-79.
27. Горбачевич К.С. Языковые варианты // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979. – С. 38-39.
28. Графова Т.А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова: Дис. канд. филол. наук. – М., 1987. – 20с.
29. Гречко В.А. Однокоренные синонимы и варианты слова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. – М.; Л., 1966. - С. 118-135.
30. Гумбольд В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397с.
31. Гумбольд В. Фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
32. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (1) // Вопросы языкознания. – 1997. - №6. – С.37-48.
33. Евдокимов М. С., Шлеев Г. М. Краткий справочник американо-британских соответствий. – М., 2000. – 238 с.
34. Жельвис В.И, Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: Автореф. дис... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 51с.
35. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. Гос. гуманит.ун-т, 2000. – 382с.

36. Золоторевская И.А. Индейцы – коренное население США// Национальные процессы в США. – М.: Наука, 1973. – С.96-157.
37. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152с.
38. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка: Учеб. пособие для студ.пед.ин-тов.-2-е изд. – Л., 1971. – 170 с.
39. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПЮ.: РГПУ им. А.И. Герцена. ИВЭСЭР, 1998. – С. 9-32.
40. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке// Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр./ВГПУ, ПМПУ – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.
41. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии// Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001а. – С. 3-16.
42. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262с.
43. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1996. 264 с.
44. Кармин А.С. Основы культурологии: морфология культуры. – СПб.: Лань, 1997. – 512с.
45. Каспранский Р.Р. Очерк теоретической и нормативной фонетики (немецкого и русского языков): учеб. пособие. – Горький, 1976. – 99с.
46. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.
47. Коптелова Е. Speak English! // Иностранец, 2000. - № 25. – 35 с.
48. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270с.
49. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК Гиозис, 2002. – 284с.
50. Кристалл Д. Английский язык как глобальный. – М., 2001. – 155 с.
51. Ломан Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 464с.
52. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзия и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высшая школа, 1989. – 201с.
53. Маркарян Э.С. Культура как способ деятельности// Вопросы философии. – 1977. - №11. С. 137-141.
54. Матюшенков В. С. Словарь английского сленга. Особенности употребления сленга в Северной Америке, Великобритании и Австралии. – М., 2002. – 476 с.

55. Мартине А. Предисловие// Вайнрах У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования.- Благовещенск: БГК им. И.А. Юодуэна да Куртене, 2000. – С.18-21.
56. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 207с.
57. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007.- 296с.
58. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. Учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 2008с.
59. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 406с.
60. Найда Е.А. Анализ значения и составления словарей// Новое в лингвистике, вып.2. – М.: Изд-во иностран. лит., 1962. – С.45-71.
61. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. – Липецк, 1998ю – 159с.
62. Прошина З.Г. The ABC and Controversies of World Englishes: учеб пособие. – Хабаровск, 2007. – 172с.
63. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Изд-во ИКАР, 1997. – 228с.
64. Расторгуева Т.А. Изучение количественных показателей грамматических вариантов в английском языке/ Т.А. Расторгуева// Филологические науки. – 1976. -№;. – С.52-61.
65. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородск. ун-та, 1996. – 272с.
66. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 656с.
67. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ./ Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – 2-е изд. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 656с.
68. Слюсарева Н.А. Функции языка// Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов.энциклопедия, 1990. – С.564-565.
69. Смирнова Т.В. Языковая личность в контексте проблемы «язык и культура»// Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография/ Под. ред. В.В. Воробьёва, Л.Г. Саяховой/ Изд-е БашГУ. – Уфа, 2001. – С. 15-39.
70. Сорокин Ю.А. Текст и культуремы// Вариантность как свойство языковой системы. – М., 1982, ч.2. – С.73-76.

71. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 209с.
72. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1985. – 170с.
73. Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики// Семиотика: Антология/ Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001 – С.5-42.
74. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев.: Наукова думка, 1992. - 164с.
75. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды// Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С.129-221.
76. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288с.
77. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288с.
78. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология/ под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 206-315.
79. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание.// Новое в лингвистике. Лингвистика и логика. Вып. 1. М., 1960. – С. 135-198.
80. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка [тест]/ А.А. Худяков. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256с.
81. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 192с.
82. Шаховский В.И. Соотносится ли эмотивное значение слова с понятием?//Вопр.языкознания, 1987, №5. – С. 47-58.
83. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1971. – 257с.
84. Швейцер А.Д. Некоторые аспекты проблемы «Язык и культура» в освещении зарубежных лингвистов и социологов// Национальный язык и национальная культура. – М.: Наука, 1978. – С. 143-160.
85. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. – М.: Наука, 1983. – 216с.
86. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). – М.: Высш.школа, 1970. – 204с.

87. Якобсон Р. Избранные работы по лингвистике. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. – 448с.
88. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира// Вопросы языкознания, 1994. №5. С.73-89.
89. Bolton Kingsley. World Englishes Today// The Handbook of World Englishes/ Edited by Braj B. Kachru, Yamuna Kachru and Cecil L.Nelson. Oxford, U.K., Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006b. – P. 240-269.
90. Cohen G.L. I'm from Missouri, you've got to show me// Comments on Etymology, Jan. 1993 – Now. 1997, Parts 1-7.
91. Cunningham Denis. Language death – an appraisal// IATEFL Issues. 2001. No. 160. – p.4.
92. Kachru B. Cultures, Contexts and World Englishes. – NY, 2008. – 254p.
93. Partridge E. Slang// Usage and Abusage: A Guide to Good English/ - L., 1964. - P. 285-289.
94. Lighter J. A historical Dictionary of American Slang. Vol.1, the letter A. – Dissertation. – Univ. of Tennessee, Knoxville, 1980
95. Random House Historical Dictionary of American Slang (RH HDAS, L)/ Editor, J.E. Lighter. – N.Y.: Random House. – V.1, 1994 – 1006p. V.2, 1997. – 736p. V.3 (in print).
96. Scollon R., Scollon S.W. Intercultural communication. A discourse approach. – Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1995. – VIII, 271p.
97. http://en.wikipedia.org/wiki/Standard_English.htm

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь/ Ред. Г.В. Чернов. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185с.
2. Chapman R.L. American Slang. – N.Y.: Harper & Row, 1987. – 499p. (NDAS)
3. Spears R.A. NTC's Dictionary of American Slang & Colloquial Expressions. – Lincolnwood, Ill.: Passport Books, 1989. – XVI + 527p.

ОТЗЫВ

о магистерской диссертации магистрантки 2 курса специальности 51А11300 Родной язык и литература (Русский язык и литература) Махамбетовой Сагиды Даулетбаевны «**Лингвокультурологические аспекты русского, английского, каракалпакского языков**»

На сегодняшний день нет единого определения лингвокультурологии, хотя имеет место общее понимание того, что речь идет о дисциплине, в которой утвердилась идея о синкретическом единстве языка и культуры. Актуальность всех вопросов, связанных с культурой, приобрела в настоящее время небывалую остроту, магистерская диссертация Махамбетовой Сагиды Даулетбаевны посвящена рассмотрению языка и культуры на уровне трех языков русского, английского, каракалпакского.

В первой главе «Лингвокультурология как новое научное направление для описания взаимодействия языка и культуры» вполне логичным считается стремление диссертанта рассмотреть сущность лингвокультурологии как лингвистической дисциплины, поскольку это необходимо для последующего изучения теоретических вопросов, связанных с проблемой определения понятий «концептуальная картина мира», «языковая картина мира», «языковое сознание», «языковая личность», «концепт», «лингвокультурный концепт» в современной лингвистике.

Махамбетова, очевидно, детально изучила большое количество работ, посвященных исследуемым вопросам и выполненным учеными в разных областях знания (список литературы, представленный в конце работы, включает 213 наименований), что позволило внести свою теоретическую лепту в дефинирование термина *лингвокультурный концепт*, осмыслив его как ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченным строением, представляющее собой результат когнитивной деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению.

Во второй главе обоснована необходимость культурологического подхода в изучении языка, на уровне трех языков.

В третьей главе, будучи магистранткой педагогического института Махамбетовой С., рассмотрела английский и русский языки как Основу национально-ориентированного обучения в иноязычных группах на территории Республики Каракалпакстан.

Результаты работы могут быть использованы в учебных курсах, учебных пособиях, при подготовке специальных курсов и семинаров по соответствующей теме. Данная работа является интересным научным исследованием по своей

новизне, теоретической и практической значимости, уровню исследования; отвечает требованиям, предъявляемым магистерским диссертациям. Поставленные цели и задачи диссертантом успешно решены. Вышеизложенное позволяет оценить диссертационное исследование С.Махамбетовой как завершённое исследование, в котором дан всесторонний анализ весьма важной и интересной проблемы. В диссертации последовательность строго сохранена, язык изложения доступен.

Работа выполнена на должном теоретическом и методологическом уровне. Автор, С.Махамбетова, достойна академической степени магистра по специальности «Русский язык и литература».

Научный руководитель:

к.п.н. Ходжаниязова А.А.

межкультурного общения. В странах СНГ универсальным языком общения является русский язык, а в связи с усилением во второй половине XX в. влияние США в мире английский язык получает статус глобального языка, языка межкультурного общения.

Актуальность исследования определяется всё более возрастающим вниманием к проблеме языковой вариативности. Становится очевидным, что изучение вариантов современного английского, русского и каракалпакского языков – одна из важнейших задач современной лингвистики.

Базируясь или отталкиваясь от классических теорий взаимоотношения и взаимодействия языка и культуры (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф), современные лингвокультурологи (А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.Г.Костомаров, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.Н. Телия и др.) развивают, переосмысливают, уточняют представление о языке как элементе лингвокультурного комплекса и о роли в нём языка.

Целью диссертационного исследования является изучение вариативности языков на лингвокультурном уровне.

Поставленная цель определяет **задачи** исследования, основными из которых являются следующие:

- охарактеризовать взаимосвязь языка и культуры;
- проанализировать вариативность современного английского языка и дать общее определение стандартному английскому;
- показать уникальность американского английского, как языка межкультурного общения;

- выявить лингвокультурологические особенности лексических
- единиц американского варианта английского языка

Объектом исследования является вариативность языка и культуры.

Предмет исследования данной диссертационной работы составляет определение характера воздействия культуры на вариативность трех языков.

Множественность используемых **методов** обусловлена многогранностью предмета исследования и многоаспектностью самого исследования. Метод наблюдения над языковым материалом даёт возможность проследить за тенденциями функционирования языковых единиц. В качестве одного из ведущих методов данного исследования остаётся компонентный анализ, поскольку он проливает свет на процессы формирования значения лексических единиц. Кроме этого в ходе работы был использован сравнительно-исторический метод.

Логика изложения результатов исследования, его цель и задачи определили **структуру** работы. Данная диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

Во **введении** определяется область исследования, обосновывается выбор темы, актуальность и новизна, цели и задачи работы, а также методы анализа материала.

В **первой главе** рассматриваются вопросы взаимодействия языка и культуры и необходимости их рассмотрения в рамках новой парадигмы знаний – лингвокультурологии.

Во **второй главе** рассматривается вопрос о вариативности единиц языков, межкультурной коммуникации в эпоху глобализации.

В **третьей главе** освещаются основные вопросы исследования – это функционирование и обучение культурной коннотации и информации в иноязычных классах Каракалпакстана.

ANNOTATION

Since our country gained independence, Uzbekistan's international relations with the countries of the world community have moved to a qualitatively new level. In the period of economic globalization, integration of political and cultural life, which contribute to the activation and strengthening of international relations in various spheres, knowledge of foreign languages, in particular, English as the language of international communication, plays an important role.

The decree of President Islam Karimov " On measures to further improve the system of learning foreign languages " 1 dated December 10, 2012 is an important factor in improving this work.

The language as a phenomenon of the national culture of the people was a constant object of attention and research of specialists. Humboldt's idea that language is an expression of the national spirit is becoming more and more relevant, especially in our days, when national problems are so acute and national problems have clearly come almost to the forefront of humanitarian knowledge.

Language does not just reflect a person's world and his culture. The most important function of language is that it preserves culture and transmits it from generation to generation.

Today we live in the era of globalization, which is understood as a process that affects the entire Earth's space. It is assumed that a lot of social, economic, cultural, linguistic, political and other relations and ties acquire a global character. Consequently, no nation can live in communicative isolation anymore. For this, a universal language, a language, has become necessary 1 Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan on measures to further improve the system of learning foreign languages. - Tashkent: newspaper "Narodnoe Slovo", 11.12.2012 No. 240 (5630) of intercultural communication. In the CIS countries, the universal language of communication is Russian, and in connection with the

strengthening of the influence of the United States in the world in the second half of the twentieth century, English receives the status of a global language, the language of intercultural communication.

The relevance of the study is determined by the increasing attention to the problem of language variability. It becomes obvious that the study of variants of modern English, Russian and Karakalpak languages is one of the most important tasks of modern linguistics.

Based on or starting from the classical theories of the relationship and interaction of language and culture (V. von Humboldt, E. Sepir, B. Wharf), modern linguoculturologists (A. Vezhbitskaya, E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov, V. V. Krasnykh, V. A. Maslova, V. N. Telia, etc.) develop, rethink, clarify the idea of language as an element of the linguistic and cultural complex and the role of language in it.

The purpose of the dissertation research is to study the variability of languages at the linguistic and cultural level.

The set goal defines the objectives of the study, the main of which are the following:

- to characterize the relationship between language and culture;
- to analyze the variability of the modern English language and give a general definition of standard English;
- to show the uniqueness of American English as a language of intercultural communication;
- to identify the linguistic and cultural features of the lexical units of the American version of the English language

The object of the study is the variability of language and culture.

The subject of the research of this dissertation work is

the definition of the nature of the impact of culture on the variability of three languages.

The multiplicity of the methods used is due to the versatility of the subject of the study and the multidimensional nature of the study itself. The method of observation of language material makes it possible to follow the trends in the functioning of language units. Component analysis remains one of the leading methods of this study, since it sheds light on the processes of forming the meaning of lexical units. In addition, the comparative-historical method was used in the course of the work.

The logic of the presentation of the research results, its purpose and objectives determined the structure of the work. This dissertation consists of an introduction, three chapters, a conclusion, a list of references.

The introduction defines the field of research, justifies the choice of topic, relevance and novelty, goals and objectives of the work, as well as methods of analyzing the material.

The first chapter deals with the issues of interaction between language and culture and the need to consider them within the framework of a new paradigm of knowledge – linguoculturology.

The second chapter deals with the question of the variability of language units, intercultural communication in the era of globalization.

The third chapter highlights the main issues of the study – the functioning and teaching of cultural connotation and information in foreign-language classes of Karakalpakstan.

РЕЦЕНЗИЯ

на магистерскую диссертацию магистрантки 2 курса специальности 51A11300 Родной язык и литература (Русский язык и литература) Махамбетовой Сагиды Даулетбаевны *«Лингвокультурологические аспекты русского, английского и каракалпакского языков»*

Магистерская диссертация Махамбетовой С.Д. представляет собой самостоятельное, завершённое исследование теоретически и практически значимой проблемы, приобретающей в современных условиях особую актуальность. Актуальность диссертации определяется необходимостью дальнейшей теоретической разработки в новых условиях проблемы "язык и культура" и системного изучения лингвокультурологического аспекта описания функционирования русского языка как особого научного направления гуманитарных исследований.

Работа состоит из 3 глав, введения и заключения. Во введении представлена аппаратная часть работы: проблема исследования, цель, объект, предмет, гипотеза, задачи, методы исследования. Представлены теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Лингвокультурология как новое научное направление для описания взаимодействия языка и культуры» проведён анализ современных взглядов ученых и практиков на проблему исследования.

Во второй главе «Национально-культурная специфика как проявление лингвокультурных особенностей языковых единиц» впервые дается всестороннее теоретическое обоснование понятия "лингвокультурологии", аппарата анализа этой дисциплины (структуры поля как системы лингвокультурем, их строения и типологии, процедура исследования и синтезирование результатов и т.п.) на уровне трех языков.

В третьей главе «Основы национально-ориентированного обучения английскому как и русскому языкам в иноязычных группах на территории Республики Каракалпакстан» обоснована структура обучения русского и английского языка в Каракалпакстане.

При написании диссертации были замечены некоторые недостатки:

1. недостаточно полно освещен 3 пункт 2 главы про зоонимы в каракалпакской лингвокультурологии.

2. Наблюдаются некоторые стилистические и орфографические ошибки.

Указанные замечания не влияют на общее положительное впечатление от представленного к защите исследования. Все вышеизложенное позволяет оценить диссертационное исследование Сагиды Махамбетовой как завершённое, интересное исследование, в котором дан всесторонний анализ весьма важной и недостаточно исследованной проблемы. Диссертация характеризуется строгой последовательностью, хорошим общим

изложением, четкостью и обоснованностью выводов. Работа выполнена на должном теоретическом и методологическом уровне. Автор, С. Махамбетова, заслуживает присуждения академической степени магистра по специальности «Русский язык и литература».

Рецензент:

к.ф.н. Турабаева Н.А.
НГПИ им. Ажинияза